

Возвращение Турецкого

Фридрих Незнанский

Мировая девчонка

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Мировая девчонка / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Возвращение Турецкого)

Ученица московской школы с углубленным изучением французского языка получила грант на продолжение учебы во Франции. Однако у отца ее одноклассника, крупного строительного магната, появились свои планы относительно того, кому следует учиться в колледже при Сорбонне. Обстановка накаляется, и у Турецкого, которому жалуется на несправедливость мать ученицы, возникает идея, как решить этот вопрос «бескровными» методами.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Глава первая	8
Глава вторая	15
Глава третья	21
Глава четвертая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Фридрих Евсеевич Незнанский

Мировая девчонка

Пролог

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Раздавливая в кровь губы убийце, Турецкий вогнал ему по самую глотку ствол пистолета. Осталось только нажать на спусковую скобу, и тогда плешивый, словно обтянутый пергаментом череп разлетится во все стороны липкими ошметками, от которых потом не отстираешься. Он взглянул в глаза лежащего на полу уловника. В них уже не было жизни, животный ужас затянул их красной пеленой. Турецкий не бывал на бойнях и свиней ни разу в жизни не резал собственноручно, но, показалось, что именно так выглядит взгляд скотины, над которой навис нож забойщика.

Стрелять уже не было нужды, этот ублюдок, валявшийся навзничь на янтарно-желтом полу и судорожно прижимавший левой рукой к груди простреленную кисть правой, пятная рубашку, был самым натуральным живым покойником. Нет, он дышал, делал судорожные движения горлом, но жизни в нем не осталось – только безумный страх буравящей его горло смерти. Даже лютая ненависть исчезла, с которой он только что безрассудно расстрелял целую обойму в неуловимого «следака». Давно знал Турецкий, что эти «отмороженные» убийцы на самом деле больше всего боятся собственной смерти, и – вот оно, лишнее подтверждение. Он рывком, с хрустом зубов, выдернул ствол из его рта, перешагнув через лежащее тело и пошел навстречу полицейским, чтобы отдать им оружие вместе с поверженным преступником и забрать у забавного помощника адвоката свою обувь.

Этому молодому Димитрасу наверняка не приходилось бывать в подобных переделках, и его водянистые глаза с розовыми веками и ресничками альбиноса смотрели с испугом, но и с почтением. И такой торжественный момент определенно требовал какого-то значительного резюме. Но на ум Александру Борисовичу не приходило ничего, кроме давней реплики старого друга, бывшего генерала милиции Славки Грязнова: «И кто ж тебя, Саня, научил стрелять в живых людей?» Ответ был очевиден: «Ты, друг мой...» И поскольку ничего иного в голове не нашлось, Турецкий повторил известное, принаравливаясь к ситуации:

– Постарайтесь, молодой человек, никогда не стрелять в живых людей, даже таких... Это до рвоты противно...

И прочитал одобрение в глазах шефа этого Димитраса, самого господина адвоката, бывшего, кстати, следователя по особо важным делам – давно, еще при Советской власти.

У Александра Борисовича было действительно противно на душе. Но не оттого, что не пристрелил мерзавца, убийцу, не разнес вдребезги его поганый череп, а потому что и не смог бы его пристрелить как последнюю собаку, выплеснув из себя всю ненависть к нему, хладнокровному сукиному сыну.

Ну, вот и закончилось...

Колеса поезда отстукивали ночную ритмику дороги, складывая необязательные слова в строчки позабытых детских стишков, звякала пустая чашка, елозя по блюду, и всхрапывал сосед. За окном медленно светлело. А Турецкий так и не смог заснуть. Перед глазами то и дело возникала одна и та же картинка: лежащее на цинковом столе тело женщины с темно-сизыми вмятинами на шее, у горла, – следами пальцев ее безжалостного душителя. Женщина была поразительного, снежно-розового цвета, как на полотнах импрессионистов. Кажется, он ей так и сказал: что-то о Ренуаре... Она смеялась... Нет, кожа ее приобрела уже неживой, будто

искусственный, серо-голубоватый, холодный оттенок. Но ритуальная служба постаралась женщина в белом венце показалась ему уснувшей принцессой из сказки. Он заметил, что избегает называть ее по имени, будто, если оно прозвучит, женщина умрет окончательно – и в памяти. А так она еще жива... она где-то затерялась, отстала... Наверное, пусть так и будет, пускай и Елена Георгиевна тоже поверит, что ее расставание с дочерью ненадолго, и это придаст ей хоть какие-то силы. Остаться совершенно одинокой в ее возрасте... Увы, и это тоже жизнь...

Уголовное преследование в отношении Александра Борисовича Турецкого, подозревавшегося в убийстве гражданки Латвии, прекращено в связи с задержанием подлинного убийцы. Сам же и вычислил, сам и задержал. А на душе все равно погано. Словно несуществующая вина по-прежнему не отпускала. Так нередко случается: пуля, метившая в тебя, убила невинную женщину. И только потому, что она оказалась рядом. Есть тут твоя прямая вина? По большому счету, конечно, есть. Да вот только кто, кроме тебя самого, и предъявит тебе этот счет?...

– Ну, все, – сказал себе Турецкий, – хватит. Надо кончать с самоедством. Ни к чему хорошему не приведет... Интересно, чем сейчас заняты ребятки?

За «латвийскими хлопотами» у него совершенно вылетели из головы текущие проблемы охранно-розыскного агентства «Глория», оперативным сотрудником которого он имел честь состоять. И Александр Борисович решил, что прямо с вокзала он отправится не домой, чтобы «обрадовать» своим появлением супругу Ирину Генриховну, – что уж, совсем она разве не догадывается, откуда и по какой причине возникло подозрение у следственных органов относительно ее благоверного? – а сначала заехать в агентство, чтобы сходу «озаботиться» именно проблемами. Когда голова занята чем-то действительно важным, легче оперировать полуправдой, хоть и в малой степени, однако все же обеляющей тебя. Но оправдываться, придумывать несуществующие аргументы в собственную защиту все равно, видно, придется, покорно размышлял Турецкий, не уставая верить в то, что за годы совместной супружеской жизни подобные ситуации наверняка уже настолько надоели Ирке, что однажды она просто прекратит обращать внимание на кобелиные выходки мужа. Тем более что они никоим образом не наносят урона семейной жизни. Если ее без конца не будоражить подозрениями. Нелепыми, разумеется. И бездоказательными... Ну мало ли, что своими глазами видела?! Вон чего на заборе, как говорится, хулиганами написано! А там – дрова. Или почти по Козьме Пруткову. Если на клетке с тигром написано: жираф, или какой-то другой зверь, то – чего? Правильно, не верь глазам своим. Что, не так? Ах, не совсем так? Ну и какая, в сущности, разница?! Ирка, давай не будем мелочиться!.. Как легко и просто наедине с самим собой разрешаются любые конфликты!..

Он открыл дверь своим ключом и сразу унюхал чудный аромат свежесваренного кофе. Да неужто Алевтина!.. Нет, в такую рань? А ведь, похоже, малость соскучился по этой чертовски заманчивой девчонке! И тут же одернул себя: нельзя же так, в самом деле! Только что фактически дал себе слово...

И Турецкий вздохнул с некоторым облегчением: соблазна на месте еще не было. За столом у телефона сидел озабоченный Плетнев и с удивлением разглядывал «явление важняка народу».

Несколько минут ушло на разглядывание, взаимные приветствия и приготовление следующей партии кофе.

– Что так рано? – перешел к текучке Турецкий.

– Элка звонила домой вчера поздно вечером... Очень волновалась, а я мотался весь день и мобильник здесь забыл. Вот жду теперь, как договорились. Чего-то у них там опять...

Вообще-то Элку звали изысканно – Элеонорой Владиславовной, это уж в процессе знакомства произошло упрощение. Вполне естественно, что произнесенное полностью имя-отчество этой восхитительно зрелой во всех отношениях дамы нередко вызвало в воображении некоторых ее легкомысленно настроенных собеседников смутные видения из истории поль-

ского королевского двора с его величественными полонезами и стремительными мазурками, сиянием шитых золотом мундиров и шикарными кринолинами высокородных пани. Но Элка была заместителем директора небольшой кондитерской фабрички, и главное достоинство этого предприятия заключалось не только в отменном качестве ее пирожных-мороженных, но и в том, что само предприятие до сих пор находилось в пределах Садового кольца и стоимость земли под ним исчислялась длинными нулями. Был уже наезд, активно поддержанный решительными мальчишками из вневедомственной охраны, явно соблазненными обещаниями будущих инвесторов, однако до решающей битвы дело не дошло. «Глория» по слезной просьбе коллектива, в ту пору возглавляемого исполнявшей обязанности руководителя «пани Элеонорой», вмешалась в конфликт, и после этого «вмешательства» даже у господ «вневедомственных» ментов неожиданно проснулись и совесть, и гражданская позиция.

А что, и так случается, ничего тут особенного и нет – ну, такого, чтоб из ряда вон. Главное, все надо успевать делать вовремя. Ах, как Элка была благодарна! Она б и не так еще отблагодарила, кабы сыщики оказались податливей на ее чары. Но директор агентства, женатый Сева Голованов, на которого и собиралась пасть, в первую очередь, горячая благодарность «ясновельможной пани», оказался до тупости упертым в своих жизненных принципах, от которых сам же и страдал, и неудавшаяся попытка скороспелого сближения закончилась между ними более чем устойчивой дружбой. К вящему удовольствию сотрудников агентства. Ибо Элкины «кондитерские сладости», отдаленно напоминавшие те самые гусарские мундиры и кринолины, нередко украшали с тех пор «чайный» стол агентства «Глории» по пятницам.

Короче, разобрались – и ладно. Но это было еще до появления в «Глории» и Турецкого, и Плетнева. Александр Борисович, конечно же, знал про ту «сладкую» историю, но не участвовал в ней, а теперь следовало понимать так, что уже Антон становился мишенью пристального интереса горделивой паненки? Или там, на «кондитерских девочек», вновь очередные охотники возбуждись?

– Нет, у них, понимаешь ли, Саша, какой-то внутренний конфликт. Элка очень переживает, но по телефону не рассказала, только, говорит, при личной встрече. Она, по-моему, считает, что все наши телефоны прослушиваются.

– Ага, спецслужбами и бандитами. Ну, хорошо, – как бы подвел итог Александр Борисович, – если других, более значительных событий, помимо вашей личной встречи, пока не предвидится, я отправляюсь домой. Чего понадобится, так я дома, надо все-таки в себя прийти. Отдышаться. Всю ночь не мог заснуть.

– Сдаваться? – ухмыльнулся Плетнев, который был полностью в курсе печально деликатного дела, которым вынужден был заниматься Турецкий.

– Примерно, – уклончиво ответил «великий сыщик».

– Тогда беги, – с улыбкой посоветовал Антон, – потом расскажешь, чем там у тебя с латышами закончилось, ладно? А то с минуты на минуту еще и Алевтина пожалует.

«О, боже! – мысленно взмолился Александр Борисович. – Да что ж это все им известно?! Как жить прикажете на этом свете, господа? Где с тебя никто глаз не спускает – от сослуживцев и приятелей до родной жены!»

Однако бежать было надо, тут Антон абсолютно прав. Вот явится младший юрист Алька, притомившиеся в ожидании его возвращения в агентство глазки девушки вспыхнут, как два стоп-сигнала, и сидеть тебе потом, Турецкий, придумывая для Ирки очередную убедительную версию на предмет собственного оправдания... И что они все в нем нашли, господи?!.. Старый, усталый, ленивый, черт побери... Глаза б не смотрели!.. Или еще не совсем? Впрочем, как говорится в старом одесском анекдоте, «наверное, им все-таки видней»...

Александр Борисович все же поторопился. Что обычно говорят? Уходя – уходи! А если ты возвращаешься домой, таки возвращайся, наконец, и не морочь тетям головы! У них и без тебя...

Глава первая

ЗАБОТЫ ОДИНОКИХ МАТЕРЕЙ

Мария Васильевна была соседкой Турецкого по дому. Когда-то, лет десять назад, в одном подъезде проживали, на соседних этажах, – до трагического случая.

Она работала, как было известно в семье Турецких, воспитательницей в детском саду – во дворе напротив, через Комсомольский проспект. В Нинкином детстве Ирке случилось иной раз просить тетю Машу приглядеть за маленькой дочкой.

А мужем Марии Васильевны был тезка Турецкого – Сашка, работавший до пенсии водителем автобуса на маршруте. Квартиру в этом, считавшемся когда-то элитным, доме на Фрунзенской набережной Сашка получил давно, за какие-то особые заслуги на производстве. Но за свою жизнь заработал всего-то на «Московича» и сборный железный гараж во дворе, в котором, уже выйдя на пенсию, держал всякий инструмент, необходимый для срочного ремонта автомобилей, сантехники и прочего. Чем и пользовались охотно Сашкины соседи-автомобилисты, зная про его «золотые» руки. А еще Сашка подрабатывал дворником, ибо в последние годы перед новым тысячелетием никакими «трудовыми мигрантами» в столице еще не пахло, и содержание московских дворов в относительной чистоте было серьезной проблемой у городского руководства.

С этим неумемным балагуром и вполне нормальным, толковым мужиком молодой следователь Турецкий частенько «спускался в народ», распивая под тенью лип, среди сирени на лавочке, «портвешок» – под плавленый сырок «Дружба». Славный человек он был – Сашка, не доживший, как собирался, до глубокой старости.

Где-то в середине девяностых годов, или ближе к концу века уже, когда жестокий передел, захват собственности коснулся буквально всех сторон и аспектов жизни общества, включая и средства массовой информации, на короткое время соседом Турецкого по лестничной площадке стал один из руководителей крупной телекомпании, некто Бирюк. Однажды они случайно столкнулись у лифта, так и познакомились – в ожидании прибытия кабины. Александр в те дни как раз занимался расследованием чрезвычайно неприятного уголовного дела – зверским убийством двух молодых людей, компьютерных техников. Этот Бирюк, которого звали Олегом – так он представился, немедленно заинтересовался подробностями, причем с таким повышенным вниманием, будто лично был в нем заинтересован. И стал настойчиво приглашать Александра к себе в машину – в роскошный серебристый «бумер» седьмой модели. Турецкий и сам не помнил причины, по которой ему удалось отказать, отложить разговор до вечера, и пошел к своему «Жигуленку». Позже посчитал, что Господь его спас. Потому что едва Олег сел в свою машину, как громыхнул взрыв такой силы, будто в тот «бумер» заложили не менее пуда взрывчатки. Вспыхнули и стоявшие рядом автомашины, к ним нельзя было и близко подойти.

А погибли тогда только двое. Ну, хозяин – это понятно. Но еще и Сашка, оказавшийся со своей метлой в непосредственной близости от взорвавшегося автомобиля. Его отшвырнуло взрывом в сторону, а кусок оторванного железа вспорол живот бедняге, он и трех минут не прожил, так и умер, ничего не успев понять, на руках у Турецкого. Такая вот горькая история...

А Бирюк тот, как удалось установить в процессе дальнейшего расследования, которое успешно завершил-таки Александр Борисович, был, оказывается, напрямую причастен к гибели тех «компьютерных» парней – вот и понимаешь, как знаешь!..

Время было тяжелое, жить не на что, и Мария Васильевна решила поменять свою хорошую двухкомнатную квартиру на однокомнатную. И что тут началось! Раз тебе платить за жилье и коммунальные услуги нечем, вали отсюда на окраину, в общежитие! Освобождай престижную жилплощадь, на которую немедленно нашлось множество желающих. С немалым тру-

дом нескольким жильцам, помнившим Сашку, и Турецкому, в первую очередь, удалось отбить атаки новых хозяев жизни и помочь Марии Васильевне совершить обмен в своем же доме. С тех пор одинокая женщина до самой пенсии продолжала трудиться в детском саду, а потом стала помогать соседям, у которых появлялись малыши, – и нянкой, и домработницей – где как повезет. Женщина она была нешумная, скромная, работающая, Турецкие ее уважали. Александр вообще всегда первым с ней здоровался...

Подходя к своему подъезду, Александр Борисович увидел Марию Васильевну, сидящую на лавочке, где, бывало, сживали два Сашки, разговаривая «за жизнь». Рядом с женщиной стояли две, очевидно, тяжелые сумки с продуктами. Устала, наверное.

Турецкий поздоровался с легким поклоном, спросил о здоровье – вежливо, но необязательно. Мария Васильевна бессильно отмахнулась:

– Ах, Сашенька, да какое там здоровье! Ты-то сам, что? Гляжу, усталый вид.

– Из командировки, тетя Маш.

– А здоровье-то как? – Она знала о ранениях и контузии Турецкого, да многие в доме знали. Газеты читают, телевизор по вечерам глядят.

– Нормально... Устала, да? Помочь донести? – он показал на сумки.

– Ну, если не трудно, Сашенька. На второй этаж. Лифт грешно вызывать, а подниматься, возраст уже сказывается.

– Никакой не грех, пошли! У кого сейчас?

– А у Дины Петровны. Махоткина, может, помнишь? С восьмого этажа. Людочка у нее, в десятый класс перешла, умница девочка. Отличница. Да вот... прямо хоть плачь, никакой помощи! Где она, ваша социальная справедливость-то, Саша?

– Господи, нашла, про что спрашивать! – засмеялся Турецкий. – И слова-то какие древние откопала? Старые газеты просматриваешь?

– То-то вот и оно! – неизвестно кому погрозила пальцем Мария Васильевна. – Кому, значит, все, а кому – пошел вон! Рылом, значит, не вышли! Это справедливо, скажи?

– Так о чем речь-то, тетя Маш?

– Девчонка учится – одни пятерки! Умница, говорю, уж кому и знать-то? Стажировку им, что ль, придумали. Во Францию ехать – и на целый год, представляешь? А Люсенька по-ихнему, как по-нашему, шпарит! Книжки ихние читает ночи напролет! Все имеет, кроме одного: папочки у нее богатого, вишь ты, нету! Мать-одиночка ее вырастила, все от себя отрывала, пока дочку не подняла. И уж все у них в этом, которое в наше-то время районо называлось, решили уж! Сказано было – готовьтесь! Приготовились! Пока этот «мохнатый» не появился! С лапой своей! И – в момент переиначили! Катись, стало быть, на все четыре стороны! Отличница! Ишь, ты! А мы не отличники, зато лапы у нас мохнатые, нам Францию подавай – и бесплатно! Своих-то денег уж и девать некуда! Поди, задницы ими подтирают!.. Ну, правильно так, скажи?

– А что это самое... ну, начальство-то ее говорит?

– А что оно может говорить? В следующий раз, если такой случай еще представится, попробуем. Ну, а нет, так и слов, стало быть, нет. Вот и весь сказ. Дина вся в слезах... Единственный шанс был дочке выбиться. Уж так готовились, так радовались! Ей же, Люсеньке-то, специальное приглашение оттуда пришло! Так все ж здесь уже перевернули, гады! Зла на них не хватает, Сашенька... Ну, пойдем, у тебя, чай, и своих забот полон рот, а тут я еще... прости старуху...

– Пойдем, – хмуро кивнул Турецкий. – А в какой она школе? Округ-то хоть какой, знаешь? И район?

– Да на Савиновской набережной, неподалеку от Новодевичьего...

– Значит, Центральный. И район – наш, Хамовнический. А как сейчас бывший районо называется, не знаешь?

– Да Диночка-то говорила... дай, Бог, память... А, Сашенька, кажись, Центральное окружное управление образования, во как! А куда его черт занес, не знаю, милый, ты уж по своим-то каналам бы, а? Тебе ж как бы сподручнее... А про школу чего скажу? Тетка там противная – директрисой. Я видела ее, помогала Люсеньке в школу книжки относить, тут же недалеко... Хорошая школа, по-французски разговаривают. А вот эта баба противная мутит. Взятку ей тот, мохнатый, дал, вот она и старается, отработывает, сучка старая!.. Крыса противная...

– Ух, как ты ее! – засмеялся Турецкий. – Узнай лучше, как ее зовут. Ты ж мой домашний телефон знаешь, тетя Маш, вот и позвони. Обещать я ничего не могу, сама понимаешь, я уже не работаю в Генеральной прокуратуре. Частный сыщик... – Турецкий вздохнул. – Но попробую что-нибудь разузнать. Только ты пока ничего никому не говори, а то люди узнают, надеяться станут, а у нас с тобой – пшик. И вроде как трепачами мы с тобой будем выглядеть оба, правильно говорю?

– Да правильно-то оно, Саш, конечно, правильно, только, я думаю, совсем это неправильно, чтоб так было. В наше время, Саш, не бывало такого!

– Не так, значит, иначе... чего вспоминать? Мало ли, чего у нас не так бывало?...

– Все равно, – настаивала Мария Васильевна, с трудом поднимаясь со скамейки.

И как же это она с такими тяжелыми сумками ходит? Да, старость – не радость, а что делать? Жить-то надо... Интересно, чем Дина Петровна-то занимается? Оказывается что-то преподавала в пединституте. Или университете. Нет, как-то не мог себе представить эту женщину Турецкий – в смысле, внешность ее. И девочку тоже не помнил, да и растут они, как грибы после дождичка. Все их в колясках возят, а потом вдруг глядишь – невеста идет! А что в промежутке было – неизвестно, не видел, не успел и заметить.

Вот и с Нинкой – та же история. Выросла, вытянулась... Стала совсем взрослой, даже тембр голоса резко изменился. То все – девчонка, а тут – уже взрослая девушка. Рассудительность, какой-то опыт, непонятно только, откуда он... Ну да, конечно, самостоятельная жизнь в британском колледже – это важные условия взросления. Под присмотром, разумеется. Старина Питер уверяет, что его шпионы там, в Кембридже, глаз не спускают. Но это все шуточки, разумеется, а правда в том, что даже относительная самостоятельность делает молодого человека или девушку взрослыми, ответственными. А отсюда все остальное – и характер, и поведение, и взгляд на окружение, и, в конечном счете, перспектива. Тут уж не станешь верить, что тебе чего-то недодали родители, обидели в чем-то. Школа жизни...

Турецкий думал о дочери, которая уже второй год училась в английском колледже, в который в недавние, смутные для Александра Борисовича времена уговорил его определить девочку Питер Редвей, старый друг и соратник, директор Международной школы, расположенной в германском городке Гармиш-Партенкирхен. Это та школа, где готовят лучших на сегодняшний день специалистов по антитеррору из оперативных работников разных стран мира. Турецкий сам преподавал в этом, недавно еще суперсекретном заведении и даже участвовал в некоторых операциях ее «учеников». Как все-таки хорошо, что он послушался в свое время советов старых друзей – того же Питера, Славку Грязнова, да Ирку, наконец, и отправил Нинку в британский колледж. Уже человек вырос, есть, о ком говорить!

С Нинки мысль перекинулась на Люсеньку со второго этажа, которой вот чуть-чуть не повезло, а то бы и она... Зато сильно повезло чьему-то отпрыску, у которого «крутой» папаша с мохнатыми, как выражается тетя Маша, лапами... Нет, конечно, Нинка сама прекрасно знала, чего хотела, и с английским у нее тоже был полный порядок. А отцовская помощь – она просто как толчок в нужное время и в нужном направлении. И только. Этого немало, особенно, если оказано вовремя...

Интересно, а кто это писал, что добро должно быть с кулаками? И, прежде всего, получается, чтобы защищаться, а не дорогу себе пробивать. Злу-то, оказывается, дополнительная

защита не нужна... Нет, а в самом деле, любопытно, кто этот добрый папочка, у которого денег куры не клюют, а он все на халяву норовит? Очень любопытно...

Эта мысль не оставляла Александра Борисовича до самого вечера, чем бы он ни занимался. Он и обед приготовил, и душ принял, и даже поспал немного в ожидании жены, которая уже знала, что муж, наконец, дома. Кто-то из «Глории» ей позвонил, наверное, либо она сама поинтересовалась.

Отучившись на спецкурсах, повышающих квалификацию психологов-криминалистов, Ирина Генриховна стажировалась в МУРе, у бывшего Славкиного зама, генерала Володи Яковлева, и довольно успешно, при нужде сотрудничала с «Глорией», словом, нашла себя в новой профессии. Но самой практики было мало, а сидеть без дела Ирина не любила, у нее сразу начинал портиться характер. А потом и совместная работа с мужем тоже была для нее далеко не сахаром, Турецкий с великим трудом все-таки вникал в «женскую логику», полагаясь, в основном, на свой собственный немалый опыт. Отсюда и «производственные» конфликты, возникавшие на службе и продолжавшиеся дома. Вот Ирина и решила, что, хотя бы во имя сохранения семьи, ей следует отодвинуть пока на второй план свои психологические опыты при расследовании запутанных преступлений и вернуться к основной профессии – продолжать преподавать музыку, уж это у нее отлично получалось. И руководство «Гнесинки» охотно пошло навстречу, предоставив своему заслуженному педагогу необходимые часы. Короче, и волки сыты, и овцы, то бишь члены семьи пребывают в целостности и сохранности, мире и спокойствии.

Но Александр Борисович, иногда даже из чувства самосохранения, посвящал жену в свои заботы, как бы испрашивая ее совета в некоторых ситуациях. Разрешал ей высказать собственную точку зрения и делал вид, что соглашается. А что, семейная жизнь – это та же политика, только более тонкая, на грани интуиции. Наверное, Ирина тоже это прекрасно понимала, – кто ж, ближе нее, и мог-то знать Турецкого? И реагировала соответственно – ни на чем не настаивая и постоянно повторяя, что совет, он тем и хорош, что им можно легко пренебречь. Вот тут их точки зрения полностью совпадали...

За обедом, а точнее, долгим ужином, Турецкий, не сильно вдаваясь в подробности, рассказал жене о завершении операции по захвату убийцы, о своих ощущениях в тот момент, о помощи бывших латышских коллег, проявивших, надо отметить, настоящую профессиональную солидарность. И, наконец, о похоронах нелепо погибшей женщины, которую они знали оба, а на кладбище самой многочисленной группой провожавших оказались могильщики – хоть было кому гроб опустить в могилу. А так – старуха-мать и Турецкий. Никого больше не осталось – ни других родных, ни знакомых. Мать не знала подруг дочери, та не говорила. С оставшимся без «головы» бизнесом еще разбираться и разбираться. И что он собой представляет, тоже никто толком не знает. Ну, еще адвокат подошел, договориться со старушкой о дальнейших действиях... Вот так, жалкое зрелище... Никто никому не нужен...

И уже в самом конце ужина, когда он заметил, что от разговоров их обоих в сон потянуло, вспомнил о дневной беседе с Марией Васильевной. Рассказал Ирине. Та выслушала, неопределенно пожала плечами, словно эта история ее совершенно не касалась и не интересовала. Турецкого же такая, мягко говоря, прохладная, реакция жены почему-то вдруг задела за живое. И он попытался высказаться в том плане, что вот, мол, как меняется отношение спокойных людей, благополучно миновавших те же препятствия, которые возникают перед другими людьми, просто потому, что тем не дано возможности их преодолеть. Но, опять-таки, не потому, что такова их судьба, предначертание у них такое, а по причине того, что некий мелкий мерзавец считает себя исполнителем воли этой самой судьбы. Так где же действительно она, эта высшая справедливость?

Вопрос, конечно, риторический, однако ответ на него напрашивался совершенно недвусмысленный и конкретный. И в прежние времена Ирка наверняка сказала бы: «Шурик, а ты

возьми да и узнай, в чем дело, и стукни кулаком, как ты это можешь! Что тебя, убудет? Или как?» А теперь не сказала. Зевнула устало. Покачала головой и вывела резюме:

– Да, плохо дело... Какое счастье, что мы с тобой не опоздали с Нинкой... – Потом посмотрела на мужа и спросила: – А ты хочешь сдвинуть с места эту воровскую, бюрократическую махину? По силам ли? При твоём-то здоровье?... – Еще помолчала и закончила странной фразой: – Жалко, конечно... некрасивая, старая уже баба, все в дочку вложила, а что теперь поделаешь?... Париж, Шурик, слишком лакомый кусок, чтоб его отдали без боя... Ну, что ж, я в душ и – бай-бай. А ты? Или у тебя еще какие-то планы на сегодня? – она хитрыми глазами уставилась на мужа и засмеялась. – А за чудный обед еще раз огромное спасибо тебе, мой милый! Давно не было так вкусно. Ты меня просто закормил...

Все правильно и все вовремя: и как бы приглашение «пройти в койку», и благодарность, но почему же, однако, – «некрасивая и старая»? Это что – в качестве предостережения мужу? Мол, нечего тебе там делать, не обломится? Какая глупость!.. Но предостерегающий какой-то подтекст явно прозвучал. И это обстоятельство стоило обдумать...

Светлана Владимировна Васенина весь предыдущий день провела в клинической больнице, где лежал Игорек.

Ситуация складывалась отчаянная. Сыну требовалась срочная, да что там срочная – экстренная операция. Хирург Сергей Александрович так прямо и сказал, отбросив в сторону всяческую врачебную этику: «Завтра... В самом крайнем случае, послезавтра. В четверг будет поздно...» Лейкоз – страшная болезнь.

Светлана Владимировна сидела на стуле у кровати сына и держала его худенькую руку. На манжете у запястья были закреплены провода каких-то датчиков, а сами приборы, как чемоданы, собранные перед дальней дорогой, стояли напротив кровати, один на другом, и по затемненному экрану одного из них беспрерывно ползла дрожащая светлая дорожка. Она словно привораживала, и Светлана Владимировна с огромным трудом заставляла себя отводить от нее взгляд.

Бледное до синевы, вытянутое лицо Игорька зияло темными глазными впадинами. Такие лица почему-то называют иконописными. Но почему? Может быть оттого, что они слишком явственно выражают страдание? А без страдания нет и спасения? «Господи, – мать готова была креститься, молиться, лбом биться об пол, что угодно делать, лишь бы избавиться от тяжких мыслей, – да что же такое лезет мне в голову?!»

– Мам, ты только не волнуйся, – высвобождая рот из кислородной маски, слабым голосом сказал Игорек. – Доктор сказал, что операция очень простая...

– Я и не волнуюсь, – едва сдерживая себя, чтобы не разрыдаться, и, словно сжав все силы в кулачки, прижатые к коленям, ответила Светлана Владимировна. – С чего ты взял, сынок?

– Ага, – слабо усмехнулся он, – а у самой руки дрожат...

– Это меня просто знобит немного, там, у нас, на работе... сквозняки кругом... гуляют, – попыталась она оправдать свое нервное состояние. – Ничего, ты не волнуйся, я продержусь, не заболею, пока не пройдет твоя операция... Я тоже разговаривала с доктором...

В палату вошла медсестра Оля – полная девушка в светло-зеленых брючках, белом халате и кокетливой белой же пилоточке на убранных под нее черных волосах.

– Ну как, Игореха? – улыбнулась она, и восточные ее глаза сузились до щелочек. – Хвост морковкой? К бою готов?

Игорь снова нос из маски:

– Я-то готов, тетя Оля, а мама волнуется.

– А на то они и мамы, чтоб волноваться, – бодро заметила Оля, наклоняясь к Светлане Владимировне. – Сергей Александрович просил напомнить. Он у себя.

– Да-да, я сейчас зайду, – заторопилась женщина. – Ну, хорошо, мой маленький, – с трудом сдерживая дыхание, наклонилась она к сыну, – лежи, мой хороший, готовься... Ты у меня настоящий герой!

– Как наш папка... был?

– Да, как он...

Светлана Владимировна, может быть, слишком торопливо покинула палату, но Оля понимала ее состояние: мать и без того держалась из последних сил. И мальчик – такая умница, и какая жалость, если... Ну почему всегда получается, что хорошим людям не везет, а всякая дрянь... Ох, грех на душу, а что поделаешь!.. Из-за каких-то проклятых «баксов» жизнь человеческая валится под откос...

Но это уже не Олины мысли были, а Светланы Владимировны, ибо она знала, о чем пойдет в очередной раз речь у хирурга...

А Оля внимательно разглядывала показания приборов, бросая косые взгляды на мальчика и наблюдая, как менялось выражение его лица – с якобы безмятежного на страдальческое, болезненное. Было понятно, что он очень устал от краткого разговора с матерью.

– Плохо, Игорек? – спросила Оля, набирая шприцем лекарство для внутривенного введения. Капельница нависала над кроватью, а на сгибе локтя мальчика был прижат пластырем катетер, куда Оля собиралась теперь вставить иглу капельницы. – Ты уж потерпи еще немного...

И подумала: «Немного – это сколько?...»

– Потерплю, – прошептал он. – Маме не говорите, тетя Оля...

Сергей Александрович в зеленом костюме и тщательно отглаженном, ослепительно белом халате писал что-то, сидя у своего стола. Он мельком взглянул на вошедшую после короткого стука Светлану Владимировну, кивнул ей, так же, кивком, указал на стул и продолжил свою писанину. Наконец закончил писать, снял очки и отложил их в сторону. На последний лист положил два других, тоже исписанных, и скрепил их степплером.

– Вот и все, – сказал как бы самому себе. – А к вам, Светлана Владимировна, вопрос у меня только один и не новый. Как у вас с деньгами?

– Я думаю, что все будет в порядке. Мне обещали помочь... коллеги... у нас на производстве. Твердо обещали.

– Ну, и слава Богу. Хорошие у вас коллеги. Значит, операцию не откладываем. Вам известно уже, чего мы опасались...

– Да-да, упаси, Боже! – почти взмолилась Светлана Владимировна, для которой отек легких у сына означал его верную смерть.

– Вот здесь, – говорил между тем доктор, – я подготовил для вас полный список тех лекарств, которые нам необходимы. На первой страничке – то, что нужно будет, самое позднее, послезавтра утром, перед операцией, для химиотерапии. На второй, – он перекинул страницу, – то, что на следующий день. И, наконец, третья – на последующие двадцать дней. А вот это, – он придвинул к себе маленький, рецептурный листок и стал снова писать, – адрес и фамилия того господина, который обеспечивает донора и передаст вам требуемые лекарства для подавления развития раковых клеток. Мы проведем стерильную пункцию... Ну, чтоб вам было понятно, прямое переливание костного мозга. И введем здоровые стволовые клетки, вам наверняка уже приходилось слышать такое название... Я пишу его телефон, зовут Семен Абрамович, созвонитесь – от моего имени – и подъезжайте. Это недалеко от центра, на Кожуховской набережной.

– Когда, доктор? – Светлана Владимировна замерла от страха: денег-то еще не было.

– Как говорится, – улыбнулся тот, – как только, так сразу. Можете сегодня, если еще успеете. Можете завтра. Но не позже. И не волнуйтесь, у меня с ним тоже договоренность... твердая. Он, как это теперь называется, посредник. Но нас еще ни разу не подвел, не подставил... – Лицо Сергея Александровича стало немного хмурым. – Я прикинул, выходит, в общем,

как раз около семи тысяч долларов. Хотя курс и немного скачет. Ну, придется предусмотреть и это обстоятельство, сами понимаете.

– Скажите, Сергей Александрович... – начала Васенина и замолчала.

– Да, я слушаю вас?

– А сколько...

– Что именно? – доктор посмотрел на нее и улыбнулся. – Ну, смелее.

– Сколько будет стоить сама операция? – решила, наконец, она.

– Это в каком смысле? – словно бы удивился доктор, но глаза его были серьезны.

– Ну... Сколько я буду должна вам лично?... Я же понимаю...

– Ничего вы не понимаете, – хмыкнул доктор. – Светлана Владимировна, возможно, я вас несколько разочарую, но, видите ли... как бы сказать? Я – хирург, а не взяточник. И те деньги, о которых мы с вами говорим, пойдут исключительно и целиком на необходимые лекарства и донора. Вы должны знать, что нам нужен не первый попавшийся донор, а только тот, генетические показатели которого совпадают с показателями мальчика. И соответствующие лекарственные препараты, которых вот тут, у нас, – он потряс разведенными в стороны руками, – просто нет. Это понимаете?

Она неуверенно кивнула и хотела еще что-то добавить, но он опередил:

– Вот и славно. – Доктор снова улыбнулся. – И не извиняйтесь. Я тоже прекрасно вас понимаю. Я ведь не в облаках витаю, а живу, как и вы, на грешной земле. Ну а если теперь жизнь вот так поворачивается, что же нам с вами остается? Противостоять, по мере сил... А вот почему я оперирую долларами, объясняю. Все эти лекарства импортные, и оплачивать их вам придется в валюте. Имейте это в виду и заранее поменяйте деньги.

– Спасибо, доктор, – едва не плача, сказала Светлана Владимировна, вставая. – Но как я могу, чтобы вы?...

– Ну, если уж очень хотите, – он подчеркнул слово «очень», – тогда давайтеждемся конца операции, и когда все закончится благополучно, а так и будет, я уверен, вы зайдете ко мне, и я налью вам и себе по маленькой рюмочке коньяку. И мы с вами чокнемся. Так? – Он засмеялся. – А потом закусим каким-нибудь пирожным, которые, я слышал, с успехом выпускает ваша фирма. Только учтите, что ни теста, ни сладкого я фактически не ем, но лично для вас, так и быть, сделаю такое крохотное, – он показал двумя пальцами, – исключение. А теперь бегите и держите себя в руках. Мальчик у вас – просто молодец! Мужественный человек...

Об этом разговоре Антону Плетневу рассказали Элеонора Владиславовна и Светлана Владимировна, примчавшиеся в «Глорию» в таком состоянии, будто на их глазах только что ожила, стала несусветной реальностью картина «Последний день Помпеи».

Хорошая, почти в натуральную величину, копия этого широко известного полотна висела в холле агентства, как раз напротив входных дверей, приобретенная у какого-то способного копииста еще прежним, покойным ныне, директором Денисом Грязновым. Считалось, что посетителям, приходящим в поисках помощи в охранно-разыскное агентство, собственные страхи и мытарства на фоне подлинного исторического кошмара не будут казаться столь уж тягостными и безнадежными.

Однако было похоже на то, что «живописный намек» резко усилил совершенно реальное отчаяние женщин. Ну, все уже было у них в порядке, все, кажется, устроилось. Они были абсолютно уверены, что это именно так... Но события следующего дня неожиданно развернулись в таком направлении, что любой бы в подобной ситуации поверил, будто на его голову действительно обрушился смертоносной лавой вулкан Везувий...

Глава вторая ИСПЫТАНИЕ

Они с самого утра только тем и занимались, что считали и пересчитывали поступающие от работников и служащих фабрики деньги. На призыв Элеоноры Владиславовны, в не такие уж и далекие, казалось бы, годы, в дни своей бурной молодости возглавлявшей фабричные профсоюзы, откликнулись все. Руководители отделов и цехов разложили требуемую для операции мальчику сумму на количество своих сотрудников и постановили в среду утром деньги собрать и представить в бухгалтерию.

Элеонора Владиславовна сама пришла в тесный кабинет бухгалтерии и уселась вместе с Валентиной Григорьевной, главбухом, и кассиршей Машей раскладывать деньги по пачкам – десятки к десяткам, сотни к сотням, и так далее. Их они собирались передать Васениной, чтобы та отправилась в ближайший же обменный пункт, не теряя ни минуты драгоценного уже времени.

Но, естественно, что с такой крупной суммой отправлять Светлану Владимировну одну в валютный обменник, где всякие только и ждут, чтоб ты зазевался, было бы неразумно, и Элеонора решила и тут взять на себя миссию помощницы. Но пока она считала деньги, шевеля губами, как, впрочем, и остальные. Очередные десять тысяч она пересчитывала повторно и оборачивала полоской бумажки, а затем передавала бухгалтерше, и та отмечала на калькуляторе. То же самое делала и Маша. Лохматые пачки денег приобретали «цивильный» вид.

– Кто у нас еще остался? – озабоченно спросила Элеонора. – Чего-то маловато пока...

– А еще из фасовочного не приносили, Маргарита побежала, – Валентина Григорьевна указала на стол, за которым сидела Элеонора, – и грузчиков не видно.

– Элеонора Владиславна, – Маша подняла голову от очередной пачки, – а почему такая дорогая операция?

– Ах, Машенька, – вздохнула Элеонора, – да разве это дорого? Это только на самые необходимые лекарства... За саму операцию доктор ничего не берет. А там ведь, сказал, костный мозг нужен, прямое переливание... Ой, и подумать страшно, не то что говорить!

– А муж Светланы, он-то – что ж? Почему не помогает?

– Да нет мужа... Вертолетчик он был, погиб...

– На испытаниях, наверное?

– Нет, Светлана говорила, в Чечне, о, Господи!.. Ну и сколько, Валя, у нас еще не хватает?

– Сто пятьдесят пять... Еще двадцать надо. Это если по сегодняшнему курсу. Эля, только вы уж там поищите, где по двадцать пять берут за доллар, а то, я видела, курс кое-где и пониже. Вот же спекулянты!

– А что ты хочешь, Валюша? Каждый теперь делает деньги, как может, на совесть никто давно уж не ссылается. Капитализм, одно слово... Ну, где ж твоя Маргарита? Время-то идет!

– Сейчас прибежит, куда денется?...

– Элеонора Владиславовна, – снова встряла Маша, пышноволосяя девушка с прической «под Аллу», – а если б мы не собрали, тогда что?

– Умер бы Игорек. А ему двенадцать всего... Я видела, когда его увозили в клинику, совсем прозрачный стал... Но хороший мальчик, держится, ты, говорит, мама, за меня не волнуйся... Не о себе думает.

– А хороший у нас все-таки коллектив, – задумчиво сказала Маша и тряхнула волосами. – Откликнулись... А дирекция чего ж?

– Здрассьте! – укоризненно покачала головой Элеонора. – Мы ж единовременную выписали! Сама и выдавала, уже забыла, что ли? Пятьдесят тысяч – они что, на земле валяются? Выписали, сколько могли...

– Точно! – Маша засмеялась. – Совсем забыла... Ну, где ж она? – воскликнула нетерпеливо.

И, словно откликнувшись на ее вопрос, в кабинет почти вбежала Маргарита, высокая, худая женщина, с металлической коробкой от печенья в руках.

– Вот! – сообщила она торжественно и брякнула коробку на стол перед Элеонорой. – Теперь уже все сдали! Никто не отказал! А ребята с погрузки, так те заявили, что если чего надо, они помогут: перевезти там, доставить куда...

– Ладно, будем иметь в виду, – кивнула Элеонора. – Здесь у тебя сколько? – спросила она, открывая банку.

– Должно быть восемнадцать, а что? Мы так и планировали.

– Не хватает двух тысяч, – морщась, сказала Валентина Григорьевна. – Ну, у меня... – она достала из ящика стола свой кошелек, – вот, четыреста пятьдесят при себе, больше ни копейки, девочки.

– Я посмотрю, – Маша тоже полезла в свою сумку. Потом поднялась и, торжественно подойдя к Элеоноре, шлепнула ладошкой по столу и убрала, оставив лежать тысячу рублей. Гордо и независимо посмотрела на присутствующих – мол, знай наших, и вернулась к своему столу.

– Ну, Машка! – восхищенно отреагировала Элеонора. – Ну, молодчина! К сожалению, не могу последовать твоему примеру, у меня... – она заглянула в собственный кошелек, – только «пятисотка». Сколько еще не хватает?

– Пятидесяти, – ответила Маргарита и заторопилась, – я дам, у меня есть... Только в коробку это все не поместится, – она указала на пачки денег, сложенные на столе перед главбухом.

– Да, сто семьдесят пять тысяч... – покачала головой Элеонора Владиславовна. – И машины нет, укатил наш генеральный. – Она имела в виду генерального директора акционерного общества, владевшего, в частности, и этой кондитерской фабрикой. – А как везти? Может, сумку какую-нибудь приспособить?

– Ты еще в авоську сложи! – с укоризной воскликнула Валентина Григорьевна, вызвав общий смех. – Давай-ка мы тебя лучше, девушка, на минуточку беременной сделаем, а?

Все посмотрели на нее удивленно.

– Ну, чего уставились? – засмеялась главбух. – Сложим в пакет, привяжем тебе к животу, кофту натянешь сверху, так и пойдешь. Правда, в твоём возрасте... – с сомнением и ухмылкой поглядела она на Элеонору.

– Чего, стара, по-твоему? – воинственно вскинулась Элеонора и выпрямилась во весь свой гренадерский рост.

– Да нет, почему, конечно, если на любителя?...

И снова все захохотали. Рады, конечно, были, что получилось у них. Сумма-то огромная, если подумать, но, главное, никто не отказал – вот, что важно! Нормальные люди работают...

– А что, – отсмеявшись, с заметной грустинкой сказала Элеонора, – приглядывалась я тут к одному любителю, всем вроде хорош, одна беда – женатый он уже, а так – у-у, девоньки, какой шикарный кавалер! С ним бы не только детей делать! Да-а... Ну, и что теперь? Смешно буду выглядеть, говоришь?

– Да вы внимания не обращайтесь, Элеонора Владиславовна, – посоветовала Маргарита. – Кому какое дело, в каком возрасте женщина рожать собралась? А потом, сорок лет – совсем не потолок для нормальной, здоровой женщины.

– Сорок третий, – серьезно поправила ее Элеонора.

– Гляди, испугала! – хмыкнула Валентина Григорьевна. – Вот до моих лет доберешься, тогда...

– Ладно, – решительно отмахнулась Элеонора, – дите бабу не портит! Привязывайте! А то время идет, и Светлана, поди, уже волнуется, а нам еще менять, а потом далеко ехать, на Кожуховскую набережную.

– Светлана-то где сейчас? – спросила Маргарита.

– Да у метро будет ждать, у «Фрунзенской».

– Ну, все, – решительно сказала Валентина Григорьевна, – давайте, девочки, паковать нашу предводительшу. Маша, принеси из фасовочного большой пакет... А при твоём росте, Эля, думаю, сойдет, не вызовет подозрений... Ты, между прочим, если чего, прямо животом вперед и напирай! Президент чего велел? Рожать! Всем бабам! Вот мы и стараемся! Государственная политика, пусть только попробуют!..

Маша, смеясь, убежала в фасовочный цех.

Не зря, наверное, говорят, что если уж сначала не повезет, то либо бросай дело, либо откладывай...

Светлана Владимировна «барражировала» у выхода из метро «Фрунзенская». Термин еще от мужа покойного в памяти остался. Она не знала, откуда появится Элеонора – из метро или на такси подъедет? И каждая минута ожидания становилась для нее натуральной пыткой. Казалось, что надеждам на то, что люди откликнутся на ее нужду, сбыться не суждено. Да и откуда сейчас у таких же, как она сама, работниц лишние деньги? Это ведь просто сказать: возьми, да и отдай постороннему человеку тысячу рублей! Ну, может, не совсем постороннему, все-таки пятнадцать лет отбегала на фабрику, не шутка... Но, в любом случае, собрать такие немислимые для нее деньги, это было бы похоже на чудо. И всякий раз, когда думала об этом, перед глазами вставало измученное лицо Игорька: «Ты только не волнуйся, мама...» Если бы могла, вернее, если б помогло сыну, не задумываясь, жизнь за него отдала бы!..

Отдала бы... А дальше – что? Как он один, без нее останется?... Сплошной заколдованный круг...

Господи, только бы успеть!..

Ну, наконец-то! Из дверей метро буквально вынесло Элеонору. Светлана Владимировна сперва узнала ее, но тут же подумала, что ошиблась, обозналась. К ней неспешным шагом вперевалку приближалась и Эля, и вроде не она. Крупная беременная женщина, причем не просто беременная, а на последнем месяце, если не на последнем, прости, Господи, дне! Да она ж прямо тут сейчас и разродится!

Светлана и испугалась, и растерялась, потому что ничего не могла понять. А Эля, между тем, приблизилась почти вплотную, даже животом своим огромным задела и, будто заговорщик, быстро заговорила:

– Не разевай свой рот! Пакет у меня под кофтой... Не в авоське ж таскать! А на такси уже и денег нет, последнее выгребли... Ладно, пошли, где тут твой обменник?

– Побежали, это недалеко, вон у того магазина!..

– Да не несись ты так! Чего люди-то подумают? Гонки, понимаешь, беременных...

«Действительно, черт-те что получается», – подумала Васенина и усмехнулась: от сердца, кажется, отлегло.

Но в ближайшем обменном пункте сказали, что такой крупной суммы, как семь тысяч, у них сейчас нет, надо специально заказывать, а сделать это можно будет только после обеденного перерыва, да пока еще подвезут. В общем, езжайте, дамочки, в ближайший банк.

Где-то подальше, кажется, у кинотеатра «Горизонт», – кто-то говорил Светлане Владимировне, – есть еще обменный пункт. Придется топтать туда. Ну, в самом деле, а где тут ближайший банк? Кто скажет?... Прохожие пожимали плечами, разводили руками и... показывали в

сторону кинотеатра. Уж там-то – точно есть! Но тут же кто-то посоветовал идти в обратную сторону, видно, пожалел беременную женщину, по направлению к выставочному центру, к строительной выставке, уж там-то точно есть, где поменять валюту. Светлана Владимировна и сама удивилась, почему пошла в обратную сторону: ведь между 2-й и 3-й Фрунзенскими улицами как раз и располагается лечебный центр, где будут оперировать Игорька. Она ж была, причем, постоянно, видела, но, вероятно, голова была не тем занята... А что-то похожее на обменный пункт там действительно есть, даже, помнится, цифры валютных курсов на табло красным светились...

Короче говоря, пока дошли, «живот» доконал Элеонору Владиславовну. Она уже сожалела, что согласилась на такое представление, надо было сложить деньги в обычную хозяйственную сумку и – все! И никаких тебе мучений, да и косых взглядов, которые просто достали уже! Скорей бы снять это все с себя... Так надо ж еще и место найти удобное, чтоб вытащить из-под юбки. А то ведь и сраму не оберешься...

Но и здесь им не повезло. На окошке обменного пункта, за дверью, в тесном помещении, висело объявление: «Технический перерыв». Само окно плотно закрыто. А сколько будет длиться перерыв и когда окно, наконец, откроется, никто сказать не мог. Дверь в сам обменник была заперта, на стук никто не откликнулся. Стоять тут и ждать не было ни малейшего смысла. Женщины вышли на улицу.

– Ну, и что? – тяжело вздохнула изрядно вспотевшая Элеонора Владиславовна. – Едем в центр? Господи, и не вытащить теперь! Не попрешь ведь в руках мешок из-под печеня! Вот же дурь какая!

Они стояли напротив обменного пункта и думали, где тут еще есть что-нибудь. И в этот момент к обменному пункту подъехала машина. Красивая такая иномарка черного цвета, но с немного помятым задним справа задним крылом. Светлана Владимировна в их названиях не шибко разбиралась, это Игорек знал много и подсказывал матери, когда... О, Господи, когда был здоров... А когда это было?...

Из машины вышел водитель – молодой, симпатичный мужчина лет тридцати с небольшим, хорошо одетый, – и бегом направился к обменному пункту. Вошел внутрь, женщины смотрели на него, переглянулись и печально улыбнулись. А мужчина появился из дверей, огляделся, увидел женщин, посмотрел вопросительно.

– Вы, простите, не сюда?

Светлана Владимировна невольно развела руками: мол, да, но что поделаешь?

– Так до сих пор и закрыты? А не знаете, когда откроют? Не говорили? Может, обедают?

– Не знаем, молодой человек, – ответила Элеонора. – Ну, пойдём, Света? Надо другой пункт поискать, чего ожидать у моря погоды?...

– Простите... – как-то стеснительно спросил парень. – А вы... это... Сдаёте? Или покупаете?

– Нам доллары нужны, – недовольно буркнула Элеонора. – Пошли, Света. – И повернулась, чтобы идти.

Но парень не отставал.

– А много долларов? Сколько вам надо?

– Слушайте, молодой человек, сколько нам надо, мы сами знаем. Света, ну, что ты стоишь? Идем?

– Нет, вы извините, – парень уже не обращал внимания на Элеонору, он смотрел на Светлану. – Ищите, ради Бога, да только я уже всю округу объехал. Либо денег нет, либо курс совсем грабительский, – он огорченно поморщился. – Билеты для туристической группы надо срочно выкупать, прилетели аж из Новосибирска, и все – в долларах! У нас же в авиакассах валюту не принимают, вот и мучаюсь теперь...

– Ну, а что, Эля, в конце-то концов? – вдруг решительно заговорила Светлана Владимировна. – Может, никуда и бегать не надо? Вам сколько нужно, молодой человек? – уже с надеждой спросила она.

– Ой, мне, к сожалению, много, – словно стесняясь своей нужды, со вздохом ответил он. – А вам что, наоборот, доллары нужны?

– Перестань, поехали! – заторопила ее Элеонора, дергая за рукав.

Но на Светлану словно что-то нашло. Позже она так и не сможет объяснить, что произошло – затмение или действие какого-то непонятного гипноза...

– Да, и много... Целых семь тысяч!

– Ой, слушайте! – воскликнул мужчина. – Да вы ж мои спасители! Это ж, если по этому курсу... – он посмотрел на светящийся указатель. – Почти на двести тысяч! Женщины, выручайте!

– Света! – почти взмолилась Элеонора. – Ну, нельзя же так! Первый встречный! Ты что делаешь?!

– Дамочки, милые мои, да чего вы боитесь? – почти взмолился мужчина. – Забирайтесь в машину и считайте себе, сколько угодно, да я и близко не подойду, если вы боитесь! Пожалуйста! – он кинулся к своей машине и широко распахнул заднюю дверцу. – Садитесь, считайте! А доллары у меня – вот! – Он раскрыл кожаную сумку, висевшую у него на локте, и вытащил оттуда толстую пачку долларов.

Светлана тут же, не обращая внимания на слабые протесты подруги, решительно потянула Элеонору за собой и первой забралась в машину...

Ну, достать бумажный сверток из-под юбки Элеоноре Владиславовне было, конечно, не просто, но они и достали, и раскрыли его. Подавали по три пачки по десять тысяч рублей каждая, как складывали в бухгалтерии, молодому мужчине. А тот, стоя возле открытой передней дверцы, брал их, бегло пересчитывал и тут же передавал женщинам тысячу двести долларов, которые доставал из своей сумки. И женщины, в свою очередь, тоже тщательно пересчитывали американские купюры, внимательно осматривая каждую из них, чтобы не попала какая-нибудь испорченная. Или, не дай, Бог, фальшивая, – будто они сами могли это определить, сидя тут, в чужой машине... Эту операцию, определенно чувствуя жуткое неудобство и странную боязнь, они проделали пять раз, а на последний пришлось две с половиной пачки, соответствующие тысяче долларов. Потом, уже стесняясь собственной настырности, они еще раз, уже целиком пересчитали доллары, успокоились, потому что цифры сошлись, сложили валюту в тот же бумажный пакет, который стал много тоньше, и покинули машину. Мужчина, облегченно улыбаясь, с нетерпением ждал, пока они не закончили своего подсчета, а по завершении операции немедленно вскочил за руль и включил зажигание.

Он только и успел помахать женщинам рукой через опущенное стекло, как наперерез его машине откуда-то, словно из-под земли, вылетели белые милицейские «Жигули» с синей полосой и синей же мигалкой на крыше. Эта машина резко затормозила перед радиатором иномарки, из машины выскочили двое милиционер и парень в гражданской одежде, как оперативник. Кинулись к водителю иномарки. Шофер милицейского автомобиля остался за рулем. Один оперативник как-то грубо, но ловко выдернул мужчину из-за руля, заставил его положить обе руки на капот и нагнулся над ним. А второй, долговязый милиционер, ухватил за рукава обеих женщин и с силой, хотя они и не думали сопротивляться, буквально подтащил их к своему автомобилю.

– Что у вас в пакете? – грубо спросил он.

– Деньги, – растерянно выдавила из себя Васенина. – Мы поменяли...

– Можете мне не рассказывать всякие байки! – зло закричал на них милиционер. – У нас кинокамера все зафиксировала! Весь ваш процесс! Полищук! Того жулика – в наручники и – в машину. И – за мной, в отделение! Садись за руль! А этих, – он презрительно оглядел

на смерть перепуганных женщин и угрожающе сплюнул, – мы сами доставим! – И рывкнул на них: – Я вам приказал! Немедленно садитесь в машину!

Ничего не понимая в происходящем, Элеонора и Светлана покорно и испуганно полезли на заднее сиденье. Слов не было, как и ясных, определенных чувств – злости, например, ярости, – именно тихий, покорный ужас от того, что происходило вокруг, словно придавил их. Вот в таком состоянии и привезли их в какое-то отделение милиции, затем долговязый приказал им выйти, прошел к дверям отделения, открыл и, показав рукой, велел подняться на второй этаж, в семнадцатый кабинет. Туда же сейчас поднимутся и они, конвоируя жулика, – его машина только подъезжала к милиции.

Все и так уже было похоже на страшный, абсурдный сон, но когда женщины поднялись наверх и обнаружили на месте семнадцатого кабинета обыкновенный туалет, с Васениной случилась истерика...

Естественно, что они, как сумасшедшие, ничего еще не понимая, но догадываясь, что случилась катастрофа, кинулись обратно, на улицу. Но никаких автомобилей у подъезда уже не было, а дежурный и три милиционера, находившихся там же, с ним, в «дежурке», при входе в отделение, долго хохотали, когда дослушали слезную историю до конца. Им было очень весело оттого, что какие-то жулики так лихо и ловко развели этих здоровых дур...

Потом совершенно убитая уже Светлана Владимировна, под диктовку Элеоноры Владимировны, старавшейся все же сохранять хоть какое-то самообладание, дрожащей рукой написала заявление в милицию. Дежурный принял его, но очень неохотно. И по его поведению, по выражению его лица, обеим женщинам стало предельно ясно, что и действовать «эта милиция» станет точно так же – очень неохотно. И уж, во всяком случае, не торопясь.

Светлана Владимировна отчетливо, наконец, поняла: это конец. Уж такого испытания она не выдержит. Да и что объяснять этим веселым ментам, что вот прямо сейчас, только что, фактически на их глазах, какие-то мерзавцы украли жизнь у маленького человечка?! Не поймут, им же сейчас так весело...

Глава третья

ФРАНЦУЗСКИЕ ЗАМОРОЧКИ

«Некрасивая и старая»... Эти слова жены не выходили из головы. Турецкий пробовал их и так, и этак, словно неизвестно зачем облизывал позеленевший советский пятак, но кисловатого, противного привкуса металла не ощущал. Что-то в его воображении все-таки не складывалось.

Ирина с утра пораньше умчалась по своим делам, успокоенная и даже умиротворенная, в определенном смысле, добрым и послушным мужем, вспомнившем, кажется, что он, в конце концов, – муж, а не жилец в собственной квартире. По этой же причине и Александр Борисович никуда не торопился. Срочных дел в агентстве на сегодня не намечалось. Плетневские заботы его не интересовали. Нужны будут советы «старшего товарища» или помощь, позвонят, это у них не задержится. А вот вчерашняя информация, точнее, жалоба Марии Васильевны, никак не выходила из головы. Впрочем, чего тут думать, проще позвонить тетке и выяснить поподробнее, что там и как. А вот номер телефона?... Кажется, он где-то был записан, – Сашкин, разумеется, ее мужа покойного. Когда в моторе покопаться надо было, под рукой находился...

Александр Борисович решил, что пора кончать валяться, поднялся, привел себя в порядок и полез в верхний ящик своего письменного стола, где валялись всякие бумажки, которые сто лет назад еще надо было вымести отсюда, но они продолжали заполнять ящик, и каждый раз находилась причина ничего «лишнего» не выбрасывать. Даже в манию превратилось, – так считала Ирина, издеваясь на «плюшкинскими» повадками мужа.

Самое смешное, что бумажка с домашним телефоном Сашки Глебова – вовремя вспомнилась фамилия – нашлась почти сразу. И Турецкий набрал номер.

– Теть Маш, – бодро начал он, – это Турецкий Саша. Я вспомнил наш вчерашний разговор. Ну, по поводу Франции...

– Да-да, милый, а как же!

– Дина... как ее? Петровна? Она сейчас дома, не знаешь?

– А ты чего, поговорить хочешь? Вот бы молодец-то! Как бы я была рада, если б ты сумел ей помочь! Ой, Сашенька, так сердце болит... – И совсем уже другим голосом – энергичным и деловым – закончила: – Так, запиши-ка номер-то, дома она сейчас. У нее после обеда лекции, а я, стало быть, до обеда свободна. Люсенька-то в школе, звони, милый, а я, со своей стороны, если чего надо... Ну, ты понимаешь, всегда на мою помощь можете с Ирочкой рассчитывать...

Да, она все про одно: нянчить кого... Забыла, поди, что Нинка совсем взрослая, и ей уже не нянька, а скоро жених потребуется. Ох, как быстро растут!..

Или она на что-то другое намекала? Мелькнула вдруг такая вот, шалая, мыслишка. Но на смену ей немедленно всплыла другая, та, что все утро морочила голову: «Старая и некрасивая...».

– А вот мы сейчас и проверим, – неожиданно повеселел Турецкий. – Пойдем и проверим. Чего проще? – И он снова поднял трубку.

После пары долгих гудков отозвался низкий женский голос.

– Здравствуйте, я вас слушаю, кто звонит?

И было в немудреной интонации вопроса столько обертонов, как выражается Ирка, что Александр Борисович непроизвольно довольно громко хмыкнул. И тут же последовал новый вопрос:

– Извините, я не поняла, чем вызвана ваша ирония?

– Да никакая не ирония, Дина Петровна, – засмеялся Турецкий. – Здравствуйте. Сосед ваш беспокоит, меня Александром Борисовичем зовут. А фамилия – Турецкий. Может, приходилось слышать?

– Здравствуйте, ну, как же! – в ее низком голосе, можно сказать, глубоком контральто, появилось тепло. – Не далее, как вчера... да, тетя Маша рассказала о встрече с вами. Вы ведь с ее покойным мужем дружили?

– Увы, я оказался единственным свидетелем Сашиной гибели. Едва и сам не сыграл в тот же ящик... Но дело не в этом.

– А в чем?

Нет, не услышал в вопросе Турецкий явного интереса к своей персоне. Значит, тетя Маша блюла договоренность. И, вообще-то, с какой стати и о каком интересе может идти речь? Но надо ж было протянуть хотя бы тонкие ниточки для пробуждения взаимного интереса.

– Вы удивились, а я не иронизировал. Просто не ожидал услышать такой голос, – он подчеркнул «такой», – низкий, глубокий, почти оперный, хотя, как мне стало известно от тети Маши, вы – педагог в институте, да?

– Да, я преподаю... А вам нужна консультация? Что-нибудь связанное с нашим педагогическим университетом?

– Молодец, тетя Маша! Умеет хранить тайны.

– Я не поняла, извините, какие тайны?

– Если разрешите к вам заглянуть, то обязательно узнаете. Вы где живете?

– Вас номер квартиры интересует? Так это над вами. У вас, кажется, сорок восьмая, а у меня – пятьдесят вторая.

– Ага, двушка, отлично представляю. Мы с супругой полтора десятка лет в такой прожили. Напротив нынешней моей. Ну, так я поднимусь?

– Пожалуйста, только не обращайтесь внимания на некоторый утренний беспорядок.

Александр Борисович осмотрел себя в зеркале и остался доволен. Нормальный для своих паспортных данных мужик, бритый, можно и одеколону – но самую малость, чтоб не разило, а только навевало. «Старые и некрасивые» женщины особенно ценят в мужчине сдержанность – во всем, кроме... Но об этом будем думать потом, по возвращении, решил Турецкий.

Он не хотел выглядеть запыхавшимся мальчишкой, поэтому поднимался с достоинством, не торопясь. И так же, с достоинством, позвонил у двери – коротко, два раза. Услышал шлепающие шаги и поворот замка. Дверь открылась.

И это у нее называется – старая и некрасивая?! Турецкий первым делом захотел вернуть собственную челюсть на место, полагая, что она у него безвольно отвисла. Ну, Ирка! Это ж надо такое сочинить!..

Женщина с пышным узлом роскошных, пепельного оттенка, волос смотрела на него удивленно, потом словно смутилась, кашлянула и отступила в прихожую.

– Здравствуйте, заходите, Александр Борисович. Что вы так смотрите?

– Как? – «Старая, – мелькнуло в голове, – из-за цвета волос, что ли? Глупости!»

– Странно. Будто видите впервые, а мы ведь когда-то были даже знакомы. Правда, очень давно. Наверное, за гранью... веков? – она улыбнулась, и ее удлиненное, суховатое и несколько аскетическое лицо словно бы расправилось, подобрело и стало как-то необычно привлекательным. – Вы не помните, я вижу. А ведь было время, вы часто встречались с моим бывшим супругом. Володя, художник с Мосфильма, забыли?

– О, Господи! – воскликнул Турецкий. – Ну, конечно! А я смотрю: такое знакомое лицо! Да, время, разумеется, жизнь еще эта... Сплошной сумасшедший дом! Все через, – он взмахнул руками, – извините... Калейдоскоп, будь он неладен! Но как же я не узнал сразу? Поразительно! Значит, не готов был...

– К чему? – она засмеялась.

– А сам не знаю... Надо подумать. Так можно войти?

– Прошу, конечно. Если не возражаете, то, пожалуйста, на кухню. А я вас кофе угощу. Сама собралась, да вы как раз позвонили. Не против?

– Наоборот, с удовольствием!

«Стоп, Турецкий, не гони коней! – остановил он себя. – Ты – по делу, а не флиртовать!...»
«Хотя одно другому никогда не мешало», – возразил внутренний голос.

Нет, но как же все-таки годы меняют человека! Была ведь эта Динка тощей и совсем не привлекательной девицей – возможно, с тех лет и запомнила ее Ирка. И на том своем воспоминании заикнулась. А сейчас это была дама с восхитительным голосом, и все необходимое привлекательной женской фигуре у нее тоже находилось на своих местах, вот разве что некоторая сутулость. Но ведь это вполне исправимо. Надо только распрямиться, – и физически, и по жизни – вообще. Турецкий уже размышлял так, будто сам собирался немедленно приступить к необходимым исправлениям.

Прекрасно зная расположение комнат в такой квартире, Турецкий прошел на кухню, повернулся и увидел, как следом за ним вошла Дина Петровна. Вот теперь он сумел разглядеть всю ее фигуру, не то, что в полутемной прихожей. И вовсе она не старая, врала Ирка. Скорее всего, ее ровесница, если не моложе. Володька-художник, кажется, был на целых три года младше Александра, и брат в жены девушку старше себя вряд ли бы захотел. Впрочем, художники – народ странный.

– Садитесь, – Дина улыбнулась, и лицо ее приняло лукавое выражение, – и расскажите мне, отчего все же вы иронически хмыкнули, услышав мой вопрос, и что у вас за тайные такие переговоры с тетей Машей?

– Честно?

– Ну, не знаю, как вы привыкли у себя на службе... Хотелось бы правды. Или не надо?

– Ладно, скажу, только не обижайтесь на меня, обещаете?

Она, по-прежнему стоя у двери, одетая в туго обтягивающий ее халатик, жестом показала, что никаких обид быть не может. Вот же балда – прекрасная фигура! Ну, Ирка!

– Я, правда, после всяких неприятных событий многое позабыл. И когда вчера у меня совершенно случайно возник разговор с тетей Машей, то никак поначалу не мог вас вспомнить. С Володькой-то вы у меня не ассоциировались, да и были совершенно другой – худощавой и длинной.

– Да, – засмеялась она, – он вешалкой меня обзывал. Были такие – вертикальные, полированные палки на ножках и с крючками поверху – по окружности, помните?

– Ну, как же! И прибавьте еще возрастное смещение. Встречаю старых знакомых, гляжу: Боже, как они постарели! Забывая, что они – это и я тоже.

– Кажется, я поняла, – сказала она мягким и низким голосом, от которого у Александра Борисовича вмиг стало томительно где-то в области живота, и снова засмеялась. – Думали, думали и вспомнили, что вешалка – уже старая и совсем некрасивая... А если чего и осталось?... То ничего не осталось, верно? Одни крючки, – и в упор взглянула с печальной улыбкой.

– Знаете, Дина, – с задумчивым видом покачал головой Турецкий, – самым неумным в моем положении сейчас было бы немедленно пасть на колени и начать бурно протестовать, убеждая вас в том, что вы категорически не правы. Что все как раз с точностью до наоборот! А, впрочем, так оно и есть, можете мне поверить. Но я не стану ни в чем вас убеждать – исключительно из упрямства. Хотя очень хочется, – и он хитрым взглядом уставился на нее.

Она хорошо умела смеяться. И он охотно к ней присоединился.

– Ох, насмешили... – она внешней стороной ладони словно бы промокнула глаза. – Ну, сейчас будет готов кофе... Так какие у вас проблемы, Александр Борисович?

– А давайте, как когда-то? Саша, Дина... Или этого не было?

– А давайте, – легко согласилась она и, обернувшись от плиты, задорно подмигнула.

– Значит, Дина, слушайте. Свою проблему я еще год назад, или чуть больше, благополучно решил. Ну, друзья, приятели, в том числе там, – он махнул рукой в сторону окна. – И Нинка моя уже второй год учится в Кембридже, в колледже. Со всеми дальнейшими, вытекающими из этого обстоятельствами, понимаете?

Он взглянул на Дину и увидел, что та будто застыла у плиты, и лицо ее приняло строгое, даже отчужденное, неприятное выражение. «Вот оно, в чем дело-то! – мелькнуло в голове. – Да, а вот такая женщина уже вряд ли заговорит голосом, волнующим душу. Скорее рубанет топором, причем с размаху и не глядя. Надо и это иметь в виду...»

Но Турецкий сделал вид, что ничего не заметил.

– То, о чем мне вчера рассказала тетя Маша, имеет свое название, свою твердую оценку и соответствующую реакцию, но, к сожалению, только в приличном обществе. А в данной ситуации, как говорится, и рад бы, но не могу молчать. Подождите, я не закончил, – жестом остановил он женщину, которая уже готова была что-то вставить в его монолог, и, вероятно, не самое приятное. – А поскольку мы с вами, госпожа Дина, не имеем приличного общества, то нам поневоле приходится приноравливаться к законам того, которое существует. А как вы хотели? С волками жить, мадам... И только поэтому я пришел, точнее, напросился, чтобы посоветоваться с вами. Вот и давайте подумаем сейчас вместе, как нам устроить небольшой взрыв, но направленного действия, чтобы волна выброшенного дерьма не обрушилась на вашу Люську. Людмилу Владимировну, надо понимать. Если она – Володькина дочь.

– А чья же еще?... – печально отозвалась Дина. – Только это не я, как тут некоторые... считают, довела его. Мы расстались задолго... Фактически из-за Люси. Он становился страшным деспотом. При постоянном пьянстве... Это было страшно, Саша, поверьте.

– Я и не собираюсь вам возражать... Ну, ладно, а теперь, надеюсь, вы мне сами подробно расскажете, что там за «мохнатый» всплыл на горизонте, а также посвятите в предысторию вопроса. Честно скажу, я не могу вот тут, прямо сейчас, пообещать, что мы сумеем решить вопрос в свою пользу, есть некоторые... – Турецкий поморщился. – Ну, скажем, обстоятельства, которые не будут помогать, главное, чтоб не мешали. Однако могу обещать лишь одно: что смогу, то сделаю. Мы с Ирккой вчера заговорили на эту тему, она со мной полностью согласна, хотя и смотрит скептически. А еще произнесла одну фразу, которую надо обязательно иметь в виду. Париж – действительно слишком жирный кусок, чтобы его отдали без боя. Особенно, когда он еще и халявный, как нынче выражаются. Слышали, небось, такое слово?

– А то!

– Вот поэтому давайте-ка мы с вами некоторое время, пока будем заниматься этим вопросом, помолчим, никому не станем ничего говорить, чтобы не сглазить, к примеру, так? И девочке пока тоже знать необязательно. Не дай, Бог, еще одно разочарование! Зачем, верно? Ну, а... как только, так – сразу. Согласны?

– Вам-то это зачем? – после долгой паузы спросила Дина. – Из спортивного интереса? Вряд ли... Скажите правду, Саша.

– Мне? Ишь, как вы! А вот вчера тетя Маша спросила: «А где она, твоя, Сашенька, социальная справедливость?» Знаете, как задело вдруг? Сам от себя не ожидал...

– Да будет вам...

– Нет, серьезно! – он заметил блеснувшие в глазах Дины слезинки и хмыкнул насмешливо. – А я ей отвечаю: «Старых газет, поди, начиталась?» А сам думаю: действительно, а где? Вот и решил. Восстановить! – он расхохотался. – А что еще остается? И потом голос этот грудной, томный такой, из другой эпохи: «Здравствуйте, я вас слушаю, кто звонит?» С ума сойти... Вот и решился. Вы-то возражать не будете?

Дина посмотрела на него, потом мизинцем провела по нижним векам и вздохнула:

– Давайте лучше пить кофе... Саша.

«Господи, а она совсем слабая женщина, хочет казаться сильной, но не получается», – подумал он.

– А можно, я вам еще немного горчички добавлю?

– Если очень хочется... Только зачем? За какие мои грехи?

– Хочется хочется, можете быть уверены. Это иногда просто необходимо. Вот когда мы начали разговор, у вас лицо вдруг стало отчужденным, ужасно неприятным. А потом улыбнулись и – чудо! Просто влюбиться хочется. Вы имейте это в виду, – уже деловым тоном закончил Турецкий. – Женская неприступность, между прочим, может быть и ласковой. И доброй. И даже очень нежной. Обманчиво нежной, заметьте.

– Вы психолог? – Дина усмехнулась.

– Нет, что вы, это Ирка у меня криминальной психологией занимается – на досуге, – так-то она преподает музыку в Гнесинке. Ну, а я всю сознательную жизнь убийц и бандитов ловлю. И сажаю их в тюрьму. А когда выхода уже нет, стреляю. Обычно попадаю. И в меня стреляют, иногда тоже попадают, тогда я лечусь. И этот процесс был бы бесконечным, если бы... а, впрочем, это уже неинтересно.

– Да, я что-то слышала. Но почему же неинтересно?

– Ну, конечно, в нашем дворе уже все давно известно.

– К дворовым сплетням я не прислушиваюсь, а тетя Маша говорила. А потом я и сама видела теленовости. Так что немного в курсе. А потом мы ж – соседи. Слышала даже, что вы ушли из прокуратуры.

– Было дело. Но кое-какие контакты, как вы можете догадываться, остались. И я намерен их всерьез использовать.

– Саша, я хочу повторить свой вопрос: зачем вам эти заморочки? Отложим в сторону социальную справедливость и прочие химеры прошлого. Может быть, у вас другая цель?

– Ну, например? – заинтересовался Турецкий.

– Например?... Ну, может быть, что-нибудь, связанное с моей преподавательской работой в университете? Протекция там, не знаю. Я не представляю, чтобы вас могли привлечь в качестве какой-то благодарности мои чисто женские достоинства.

– Университет не проходит категорически, а вот насчет женских достоинств, этот пассаж лично мне гораздо интереснее... А вы продолжайте, пожалуйста, – он масляно ухмыльнулся, даже губы облизнул, но она не отреагировала. – И поподробнее, если можно.

– Впрочем, если у вас с женой нелады, и такое, возможно, случается, – сказала она совершенно серьезно, без тени иронии.

– Продолжайте, продолжайте! – ухмылялся Турецкий. – Вы чрезвычайно интересную тему подняли. Я с удовольствием вас послушаю и... кто знает? А что, нелады, они в каждой семье бывают. И я, в общем-то, представляю, как обычно от них лечатся. Опять же и опыт какой-никакой, верите?

– Ну и как же, доктор? – она усмехнулась.

– О! Наконец-то я вижу улыбку! И все сразу становится на свои места. А я ведь, когда поднимался к вам, ей-богу, поначалу не собирался флиртовать. Ну, может, самую малость, исключительно для затравки. Все же незнакомая женщина, молодая, то, се, – вы меня прекрасно понимаете. Опять же и обстоятельства вроде бы обязывают. А насчет того, как лечить, скажу откровенно: единственный выход – отчаянно влюбиться!

– В жену?

– Да Бог с вами! – Турецкий в испуге округлил глаза. – И даже не в ее ближайшую подругу, которая, как правило, заранее на все соглашается. Нет! Только в постороннюю женщину! Это для того, чтоб у тебя глаза вдруг вспыхнули, заблестели. Чтоб дыхание неожиданно сбивалось во время разговоров. Суетливость появилась в движениях и... в планах. Чтоб отвечал невпопад. Ну, то есть, чтобы стали заметны даже невооруженному глазу все признаки начи-

нающегося сумасшествия. Только это все должно быть абсолютно искренним, чистой правдой. Тогда и выход из подобной ситуации, и семейное примирение достойны кисти очень большого художника. Но это, повторяю, только мой личный опыт. Пока, правда, он меня не очень подводил. Но и сразу желаемого результата тоже не давал. И тем не менее...

– Вы простите меня, конечно, Саша, но то, что вы говорите, мне представляется не совсем... ну, как бы... приличным. Извините за это «как бы»...

– О, Боже, да ведь рамки приличий устанавливаем мы же сами! В зависимости от уровня собственной честности перед собой – в первую очередь.

– Очень удобная философия! – весело фыркнула она. – И в каком же состоянии сейчас ваши супружеские отношения? Не секрет?

– Полный порядок. И это несколько смущает... Знаете, а вот я скажу сейчас правду, и вы меня прогоните, и кофе больше не нальете – хороший, кстати, я такой варить не умею, хотя знаю много редких рецептов.

– Не прогоню и кофе, если попросите, еще сварю. Мне, правда, интересно с вами, Саша.

Хорошо она это сказала – просто, без какого-либо затаенного, двусмысленного подтекста, – по-дружески. А вот интересно, могут ли быть близкие друзья у такой женщины?...

Проходя на кухню, Александр Борисович бросил мимолетные взгляды в обе комнаты, двери которых были приоткрыты. Богатством здесь – это понятно – никогда не пахло, даже, вероятно, в лучшие Володькины времена. А если судить по той же кухне, то обстановка в квартире слишком проста для каких-то претенциозных семейных замыслов и планов. И одета Дина тоже без претензий, но аккуратно и строго, видимо, в соответствии с собственными взглядами. Интересно было бы взглянуть и на Люсю. Как тут, в доме, – все для дочки, или принципы – общие для всех? А тогда ответ на этот вопрос и станет ключом к пониманию характера Дины. И еще, что гораздо важнее, сразу определит уровень допустимого в отношениях с нею. А что, интересная задача!..

Впрочем, мужская половина человечества только тем и занимается все века своего существования, что пытается постичь характер женщины. А те из них, которые уверяют, будто уже постигли, безбожно врут. И еще обижаются, когда им не верят! Кто-то из классиков указал на попытку самооправдания идиота, как на одну из самых распространенных форм утверждения собственной никчемной жизненной позиции. Сидит, понимаешь, такой козел и занимается самоедством, ищет для себя всяческие оправдания, вместо того чтобы живым делом заниматься, да хотя б тех же, обиженных им женщин утешать!

Этот, так сказать, экзерсис Александр Борисович в привычном для него легкомысленном тоне и выложил перед Диной. А она смеялась, и он с удовольствием наблюдал за ее мимикой. И, чтоб уже совсем не оставить сомнений на свой счет, сделал решительный вывод:

– А что касается личной жизненной позиции уже известного вам, надо полагать, из разных недостоверных источников, А Бэ Турецкого, то могу вас заверить, что он никакая не загадка, а типичный бабник. И в этом его постоянно убеждают друзья, коллеги и даже родные, как будто у них все-таки еще остаются на этот счет какие-то сомнения. Но он им не верит, и правильно, между прочим, делает. Жизнь гораздо сложнее некоторых примитивных и часто обывательских представлений, которые в конечном счете так же условны, как и сама наша жизнь. Вот!..

И он шумно выдохнул, изложив свое кредо и демонстрируя, что только так его и следует понимать. И принимать, коли есть охота. А в общем, он почувствовал себя на коне.

– Ну, так что вы там преподаете? – небрежно спросил он. – У себя, в вашем педагогическом универе, как нынче выражаются?

– Философию, – она скромно потупилась, хотя было видно, что едва сдерживалась от хохота.

– Да ну?! – шумно обрадовался он. – Тогда мои постулаты, что называется, прямо в яблочко! Считаю, я произвел просто блестящий выстрел! И главное – точно по адресу. А вы разве так не считаете?

Ох, как она смеялась! Как прелестно сверкали ее глаза! И как сама она была хороша, черт побери!..

Жаль, что женщины не видят своих лиц в тот момент, когда они счастливы. Они б никогда больше не сердились...

Ну, посмеялись, и слава Богу. Настроение у Дины явно исправилось. Она промокнула слезы, сварила новую турку действительно превосходного кофе, и они, уже обретя серьезность, заговорили о деле.

Весь предыдущий балаган помог-таки установлению открытых и, кажется, полностью доверительных отношений. Дина выложила перед Сашей всю подноготную историю с приглашением Люси в колледж Сорбонны. А затем рассказала о том, какие мощные силы возникли и объединились вдруг с одной только целью: убрать из-под ног какую-то девчонку, чтобы освободить дорогу сыну нужного человека – ее, кстати, однокласснику. И вот теперь девочка, воспитанная матерью на определенных принципах благородства, честности, искренности, вынуждена, помимо своей воли, участвовать в грязных играх взрослых людей – ее учителей, наставников, которые после всех своих мерзостей еще и требуют к себе почтительного отношения и уважения со стороны учеников!

Ну, не хотят они, чтобы дочь никому неизвестной вузовской преподавательницы пользовалась свалившимся, в буквальном смысле, с неба благоденствием, когда на нем можно сделать для себя хорошие деньги, получить определенные дивиденды, да хотя бы и для той же школы выбить что-нибудь дорогостоящее и полезное – из богатого папаши! Что ж, получается, они по-своему правы. Но зачем же убивать в ребенке веру в совесть и справедливость? А для других учеников это какой ужасный пример? Кого воспитывают?!

Да, вопрос, конечно, риторический. Но ведь и успокоить их невозможно. Они требуют, чтобы девочка сама отказалась от приглашения! Сама! Иначе... Что иначе, и говорить страшно: прямо хоть школу бросай! Люшеньку уже начинают «товарищи» сынка того Базыкина, одноклассника, троечника Платона, давить со всех сторон, вплоть до открытых угроз уже доходит дело. А что такое грамотно организованная детская травля, говорить не приходится. Вот и оказалась маленькая семья Махоткиных перед дилеммой: пытаться продолжать воевать за справедливость или связаться с руководством Сорбоннского колледжа и официально отказаться от их приглашения? То есть послать их всех – и французов, и своих районных чиновников и педагогов к чертовой матери, чтобы сохранить собственное здоровье и, не исключено, даже саму жизнь? Ведь эти мерзавцы, богатенькие папаша с сыном Базыкины, они, оказывается, на все способны! Вон по телевизору изо дня в день показывают одно и то же, в разных вариантах: похищения, избиения, насилия, убийства... Словно учат, заранее предупреждают! Имей в виду, что с тобой может случиться, если ты проявишь строптивость! А ведь впереди еще два года учебы! Как представишь, чем это грозит, страшно становится...

Словом, картина Турецкому была более чем понятна. Ирка тут права, слишком жирный этот пирог, много охотников уже нашлось откусить свою долю. Халява – будь она проклята! Никто не желает упустить упавшей в руки выгоды. И какой же выход?

А что в таких случаях рекомендует обычная человеческая совесть?

Такой вопрос, как увидел Александр Борисович, едва не поставил Дину в тупик. Ну, это уж было слишком! Знать, действительно, достали ее, как говорят.

– Знаете, Дина, чем моя профессия разительно отличается от вашей? – спросил Турецкий.

– Догадываюсь, наверное, – хмуря брови, ответила она неохотно. Собственный рассказ вызвал в ней самой шквал отрицательных эмоций.

– Да тут нечего догадываться. Она у меня никаких иллюзий не оставляет. И не только призывает, но и понуждает к конкретным действиям, а вовсе не к самооправданиям. Да, случаются и неудачи. Но они не останавливают. А потом еще и от компании зависит, в которой ты вращаешься, – в силу разных причин. Иной раз и послал бы, отмахнувшись, а тебе говорят: «Ты чего, парень? Спятил? Испугался?!» И так стыдно становится. Нет, по правде, – не всегда. Когда впереди нет подходящей цели, или там – мельницы ветряные, можно и отмахнуться: хрен с вами! А если есть, то – как же? – Турецкий развел руками.

– Но в данном-то случае, какая у вас может быть цель, если вы все уже про нас с Люсей знаете? И мы с ней ровным счетом ничего ценного ни в общечеловеческом, ни в данном, конкретном случае собой не представляем, увы. Это без всякого кокетства говорю вам. Поэтому, на какой выигрыш вы надеетесь? Или вы – из чистого альтруизма?

– А что альтруизм? Вы хоть иногда в ящик смотрите? – он кивнул на маленький телевизор, установленный на полочке над столом.

– Вот именно, иногда, – хмыкнула она.

– Ну, так вам должно быть известно, каждый из нас по-своему альтруист. Мы теперь дальше пошли, задаемся важными вопросами, – других же проблем у нас в стране нет, – альтруистичны ли животные, зверье разное? Волки там, медведи, скажем. Я не парламентское большинство имею в виду, вы меня понимаете...

– Саша, я прошу вас... – она звонко рассмеялась.

– Вот поэтому и цель у меня тоже, конечно же, есть! – заявил Александр Борисович. – Здесь вы угадали. Хотите знать, какая? – Он сделал паузу и словно нырнул в воду: – Вы!

– Я-а-а?! – изумилась Дина.

– Ну разумеется, а кто же еще? Рядом же с нами больше никого нет. Мне, например, совсем не нравится, когда вы мрачно хмуритесь. Даже повеситься почему-то хочется. И, наоборот, очень понравилось, как улыбаетесь. Разве это недостойная цель? Вот и давайте – для общей ясности – на ней пока и остановимся. На вашей улыбке.

Пауза длилась долго. Бог знает, о чем думала сосредоточенная на своих нелегких, наверное, размышлениях женщина. Но явно не о любовных каких-то вариациях... Потом подняла голову и пытливо посмотрела в глаза улыбающемуся Турецкому:

– Саша, но ведь я догадываюсь, что любые расследования, всякие там ваши действия – они же потребуют больших денег, а у меня – откуда? Ну, что-то я, возможно, и наберу, но...

– Погодите вы о деньгах, – сморщившись, как от горького лекарства, отмахнулся он. – Дойдет до них речь, тогда и поговорим. Контора, в которой я работаю, увы, не благотворительная организация, но на все имеются расценки и они могут, в зависимости от тех или иных обстоятельств, соответственно, и варьироваться... Далее, с основной целью мы с вами тоже, кажется, определились, да? И что осталось? – Он с откровенным ожиданием, чуть прищурившись, уставился на Дину.

Кто знает, что у нее в этот момент завертелось в голове, но... она смутилась. Что ж, и это неплохо. Но Турецкий изобразил «непонимание».

– Дина, что с вами? Нам же надо обязательно закрепить наш с вами договор.

Она молчала, но ее смущение достигло, кажется, уже крайней черты. Дальше гнуть было уже опасно.

– Интересное дело! – он театрально всплеснул руками. – Ну и как же я буду защищать ваши кровные интересы, изучая французские заморочки без всякого на то права? Без официального документа? Да меня первый же школьный охранник пошлет к чертовой матери и будет прав! Вы должны написать заявление, я вам скажу, на чье имя. Вы подробно изложите в нем основные моменты нашей с вами беседы, а затем и суть вашей просьбы: защитить там, то, другое, – это мы еще сформулируем по ходу дела. А потом, собственно, и сам договор надо будет между нами заключить – с одной стороны, с другой стороны. И закрепить вашей подписью. А

как же иначе? Так положено, мы ж официальная организация, и нас тоже налоговые органы проверяют. А кстати, не слышали насчет «с одной стороны... с другой стороны...»? Был такой старый анекдот. Некто Цыпервич решил подработать на покраске парохода. Заключил с капитаном договор и приступил к работе. Наконец приходит, говорит: работа, согласно нашему с вами договору, закончена, гоните денежки. Капитан выходит посмотреть и видит, что окрашена только одна сторона парохода, а вторая так и осталась облупленной. «В чем дело? – кричит. – Ты жулик!». «Отнюдь, – отвечает Цыперович, – вот ваш договор». И читает ему вслух: «Договор на покраску парохода. Точка. Капитан – с одной стороны, и Цыперович – с другой стороны, заключили договор на покраску парохода...» Ну, чего нос повесили?

– Господи, вы – жуткий хитрец, но как с вами легко, – отсмеявшись, сказала Дина. – Это ж надо таким редким характером обладать!..

– А эти уверяют, что у меня гадский характер.

– Не верьте этим... – Дина прикрыла глаза ладонью.

– Ладно, – согласился Турецкий и наклонился в ее сторону так близко, что унюхал легкий и очень тонкий аромат духов: – А можно я у вас спрошу, а вы скажете правду?

Она отняла ладонь от лица и внимательно посмотрела ему в глаза.

– Что вы хотите услышать, Саша?

– Чистый пустяк, – он смешно сморщил нос. – О чем вы подумали, когда я предложил вам закрепить наш договор?

– А вам, я вижу, очень нравится ставить женщину в неловкое, двусмысленное положение?

– Очень. Именно в этой ситуации она, чаще всего, и становится самой собой. Истинной женщиной. Без макияжа и прочих дамских обманок. Такая интересная! Будто книга откровений...

– И что же дальше? – тихо спросила она.

– А дальше – тишина... Так у Шекспира сказано, помните? Вот, где страсти-то кипели, не нам чета... Тащите-ка пару листов бумаги и авторучку, буду диктовать вам текст жалобы, которая обязательно достанет до глубины души не только подлых чиновников от образования, но и твердокаменных сыщиков. А уж это я точно умею...

Глава четвертая «КИДАЛЫ»

Смотреть на рыдающую в безысходном отчаянии женщину – это тяжелейший и неблагодарнейший труд. В этом убедился Плетнев. А все оттого, что для нее собственное ее горе – конец света. Да так оно, в общем-то, и получалось: потеря такой суммы – не только финансовый крах для нее, но, что страшнее, смерть сына. Можно, конечно, еще квартиру заложить, продать, но это время, а лекарства для операции нужны уже сегодня, самое позднее – завтра. А у него – никаких концов на руках...

И, что самое невероятное, обе эти великовозрастные дуры, пытавшиеся изображать чуть ли не шпионов, попались на удочку какого-то ловкого проходимца на такой лаже, что элементарнее и придумать невозможно. Вот уж, действительно, захочет Бог наказать, так разума лишит.

Что запомнили? Да ни черта, оказывается, не запомнили...

Нет, ну как же! Обменный пункт они же вспомнили! И объявление, что висело на окошке кассы.

Как он выглядел, этот жулик? Молодой, красивый. А еще что? И снова – молодой и красивый. Да, и машина черная. Какая марка? Большая. А на радиаторе?

Тут «великородная пани», судорожно наморщив лоб, принялась рисовать на листе бумаги кружки, оказавшиеся кольцами. И когда закончила изображать третье и принялась выводить четвертое, Плетнев ее остановил. Уточнил только, не было ли пятого? Нет, пятого не было, с облегчением вспомнила Элеонора Владиславовна. А Васенина ничего не могла подтвердить, потому что находилась, как выражаются иностранные, а может, и отечественные, боксеры, в состоянии «гrogги». Ну, или нокдауна, то есть ничего не соображала. И для ее ума, как понял Антон, это была просто непосильная задача.

Однако появлялись неожиданно и проблески в сознании, и когда Элеонора сказала, что жулик был похож на Ричарда Гира, Светлана возразила, что не на Гира, а, скорее, на Жан-Поля Бельмондо. У жулика лицо было не суховатое и вытянутое, а мясистое. И этот факт стал у них предметом серьезных взаимных упреков и возражений. Каждая сторона принялась утверждать свою точку зрения, и, хотя смысла в их споре не было решительно никакого, Антону полегчало. Раз спорят, значит, оживают, приходят в себя, и, значит, еще не все потеряно.

У него не было ни малейшего желания заниматься розыском «кидалы» и его подельников, изображавших милиционеров. Тем более что в форме был только один, да и тот, скорее всего, к милиции ни малейшего отношения не имел. А откуда берутся «мигалки», и как лепятся синие полосы по бокам обычного белого «Жигуленка» и большие буквы на капот и крышку багажника, вообще объяснять не надо. Задача для «первоклашек». Словом, у «девушек» ничего не имелось в помощь сыщику. Зато в обилии проливались слезы, а в пленительных глазах «ясновельможной» дамы колыхалось столько упреков и сострадания, столько мольбы и обещания, что вытерпеть подобное испытание и остаться суровым и непреклонным мог бы разве что только самый закоренелый, зловредный и мстительный женофоб. Либо потомственный импотент. Ни тем, ни другим Антон Владимирович Плетнев не страдал, как не мог и гордиться.

– В милицию вы хоть сообщили? Заявление написали?

– А что толку? Они посмеялись и сказали: идите. Даже брать не хотели. Но мы... – Элеонора смутилась. – Мы так стали кричать, что взяли, но... ничего не обещали. Это там, рядом, в сто седьмом отделении, мы можем показать.

– А что толку показывать? – Антон вздохнул. Глядя на него, вздохнула и Элка. – У вас что, не было поблизости нормального мужика? Почему сами-то ринулись? Вас же облапошить, как два пальца... тьфу! Извините!

– Ее мужик... – Элка осторожно кивнула на Васенину, – погиб. В Чечне. Афган прошел – ничего, а дома, фактически на родине, вот... Летчик он. На вертолете...

Светлана не выдержала и стала громко всхлипывать. А Элка посмотрела на Антона осуждающим взглядом и негромко проговорила:

– У нее, кроме сына, никого больше нет, Антон. Ты извини нас. Наверное, само небо уже против нее и мальчика... – Элка привстала, но Антон резким жестом ладони приказал, чтобы она села на место.

– Ну, ладно, хватит реветь! – уже криком попытался он остановить и вернуть в берега реальности море разлитое безутешного горя и робких надежд. – Запомнили, говорите, возле какого обменного пункта это произошло?

– Запомнили... – сквозь всхлипы услышал Плетнев. – Не совсем же мы... идиотки... это... на «Фрунзенской»...

– Тогда поехали.

– Зачем? – робко спросила Элка. – Мы думали... ты...

– Вот еще новости! Я ж не видел вашего Бельмондо, или кто он там на самом деле! Интересно, как же я без вашей помощи его узнаю?

– Я обязательно узнаю! – решительно всхлипнула в последний раз Светлана.

– Хорошо, тогда и я тоже поеду... – заключила Элка.

– Ну, вот и славно, – облегченно выдохнул Антон. – Айда в машину, но из нее – ни шагу! Это мой приказ!

– А как же мы будем узнавать?

– Молча! – уже «загрохотал» Плетнев. – Вы что, собираетесь его за руки хватать? Или опознавать на ощупь? Боже, с кем я дело имею?! Сидите, глядите в окна и не высовывайтесь! Иначе я пошлю вас... подальше! И не стану ничем заниматься!

– Мы не будем, мы не будем... Не сердись, пожалуйста, Антошенька!..

О, Господи! Ну, как такое пережить?...

– Нет, девушки, я вижу, у вас и в самом деле не все в порядке с мозгами...

– Но мы же хотели, как лучше! – почти взмолилась Элка.

– Нам доллары были очень нужны! – в тон ей «застонала» Света.

– А вы покажите мне того, кому они не нужны.

– Завтра – крайний срок операции у Игорька, – убитым голосом прошептала Света.

– И вы думаете, что я найду вашего «кидалу» до завтра?

– Но Антон! – проникновенно уставилась на него Элка, и ее ангельский взгляд, и протянутые к нему руки, да и сама поза обращенной к нему с мольбой, жаждущей взаимного понимания, пышной женщины, говорили только об одном: о безграничной вере в его сверхъестественные возможности. – Ты же всегда был готов нам помочь! Ты и тогда сказал мне, что только попробуешь, и ведь все у тебя получилось! Ну, Антошенька, ну, миленький!

Ах, какой надрыв! И что они только творят с нами, мужчинами, эти удивительные, уверенные в наших силах женщины!..

Однако сейчас у Антона твердой уверенности не было, а врать им и обещать впустую он не хотел. Не о потерянном же кошельке шла речь, а о человеческой жизни. О сынишке этой Светланы.

– В общем, так, девушки. Я ничего вам обещать не могу, да и не буду. А вот постараться – это постараюсь. Если дело выгорит, поставим Богу свечку. Ну, а если... то сами понимаете, объяснять не буду.

Он открыл ящик письменного стола, достал несколько удостоверений, раскрыл их, посмотрел и, выбрав «следователя прокуратуры», сунул в боковой карман куртки. Остальные бросил обратно в ящик и закрыл его на ключ. Сунул в карман также и старую рацию – на всякий случай. Она работала, в смысле, громко шипела, создавая видимость настоящей, действующей, да только кто будет вслушиваться?...

– Поехали!..

Элка сказала, что возле обменного пункта сейчас картина была точно такой же, как накануне. Никого народу, входная дверь в сам пункт открыта, но «окошко» не работает. И на нем висит все то же объявление: «Технический перерыв». Такая же табличка болтается на веревочке, повешенная на гвоздь, вбитый в деревянный дверной косяк снаружи. Более того, подъезжая к обменному пункту по малой дорожке, они даже успели заметить, как из дверей вышел мужчина и быстрым движением нацепил на гвоздь эту табличку, после чего исчез за дверью.

Антон отметил, что действия его при этом были странные, как у знаменитого голубого воришки Альхена, – целенаправленно вкрадчивые. Вроде и не хотел вешать ее, но обстоятельства требовали, а вот свидетели при этом были бы нежелательны.

В общем, механизм мошенничества стал Антону понятным. Подъездная дорожка одна, если едет машина, то определенно к «обменнику», больше тут свернуть некуда. Потенциальных клиентов мальчишки, сидящие в кассе, естественно, видят. Ну а дальше механика уже отработанная. Следом за разочарованным покупателем появляется «благодетель», нуждающийся в рублях либо в валюте, в зависимости от обстоятельств. И фальшивые «менты» тоже где-то здесь, уже наготове. Вот и вся технология. И знают о ней люди, а все равно «покупаются», как дети малые.

«Что ж, раз уже сходу предлагаются прежние условия, значит, они ничего не боятся. Попробуем сыграть по их правилам», – сказал себе Антон и обернулся к женщинам.

– Сидеть и не рыпаться! И носа наружу не высовывать. И к стеклам не липнуть! Иначе кто-то из них может вас узнать, и тогда, считайте, наши усилия – впустую.

Он вышел из машины. «Тойота» его была далеко не новой, что знал сам Антон. Зато внешне она выглядела чистенькой, отмытой и производила впечатление дорогой машины. В данном случае это было ему на руку. Медленной развалистой походкой, придерживая под мышкой туго набитую большую барсетку, Антон направился ко входу в обменный пункт. На табличку он, разумеется, не обратил внимания. Вошел внутрь, прочитал про технический перерыв и требовательно постучал в окошко. Никто не откликнулся, хотя шаги внутри он вроде бы услышал. Но они не приближались к двери, а удалялись, или так показалось.

Ворча и сплевывая, он вышел за дверь и увидел, как с проспекта на ту же дорожку сворачивает зеленая «девятка». У того мошенника была черная «ауди». Значит, другой. Ну да, тут же наверняка целый синдикат пашет...

Из-за руля вышел водитель – крепенький такой мужичок годам к тридцати, но явно не Ричард Гир и не Бельмондо, хотя одет прилично – в длинном, модном таком плаще. Он остановил свою машину за Плетневской «тойотой» и, проходя мимо нее, не удержался, кинул взгляд на тонированные стекла в салон. Потом стремительно перепрыгнул через две ступеньки у входа и исчез за открытой дверью. И так же стремительно вышел обратно и остановился, оглядываясь. Явно сделал вид, что «неожиданно» увидел Плетнева и повернулся к нему.

– Вы тоже сюда?

Антон молча кивнул. Может, этот и не «кидала», но кругом, что называется, сплошные совпадения. Как в заранее срежиссированном спектакле. Ну вот, сейчас должен последовать вопрос: что меняете? Вернее что вам требуется? В зависимости от ответа «клиента» и будет сделано конкретное предложение.

– Давно ждете?

Антон снова неохотно кивнул.

– Черт возьми! – воскликнул мужчина. – Такой район, а обменников – раз, два и обчелся!.. У кинотеатра был, тоже не работает...

«Это он как бы предупреждает, что соваться в другие места не стоит...»

– И чем они, эти бездельники, занимаются?... – мужчина оглянулся на обменник, недоуменно пожал плечами и достал из кармана сигареты. Похлопал себя по карманам.

– Огоньку не найдется?

«Налаживает контакт...», – сказал себе Плетнев и достал из кармана зажигалку.

– Я, кажется, свою в машине забыл, – сказал тот, наклоняясь в огоньку.

«Не хочет уходить...».

– У вас тоже срочно? – небрежно спросил мужчина, выпуская струйку дыма.

Антон покивал с безнадежным видом. Бросил взгляд на свою машину и увидел прильнувшее к лобовому стеклу лицо Элеоноры, которая, похоже, хотела ему что-то сказать, но не решалась выйти из машины.

– Чего ей надо? У-у, зануда! – вслух произнес Антон, вызвав улыбку у мужчины, и пошел к машине, открыл дверцу и заглянул: – Что случилось? – он хотел уже отругать ее за то, что она без нужды «светится»

– Антошенька, милый, это не он! – выпучив глаза, горячо зашептала Элка.

– Знаю, – отрубил он. – Их тут, я чувю, целая бригада работает. Так ты-то чего хочешь, чтоб я искал вашего, или ждал, когда он сам тут появится? А он, может, теперь только через месяц соизволит объявиться!

– Нет-нет, что ты!

– Тогда сидите и не высовывайтесь! И не отсвечивайте!.. Вот интересно, что я ему сейчас скажу? Бестолковые вы, ей-богу!

Он сердито захлопнул дверцу и вернулся к обменнику. Мужик по-прежнему курил и уходить не собирался.

– А вы стучали? – с усталой интонацией спросил Плетнев.

– Конечно. Тишина, мать их...

– А у «Лужников» не знаете? Не проезжали?

– У ярмарки, что ли? Не был. Но там, мне сказали, курс грабительский. Да оно и здесь не лучше...

– Да, и здесь, согласен с вами, – Антон покачал головой. – А по телеку называли совсем другой, гораздо выше.

– А какой на сегодня? – с интересом спросил мужчина.

– Двадцать пять с копейками. А этот – вон, почти полтинник на каждой тысяче «наваривает». В центр, что ли, поехать, так там тоже нарочно занижают. Нет, наверное, отправлюсь подальше, на Вернадского... – И Антон, не прощаясь, повернулся, чтобы идти к машине.

– Куда, вы сказали?

Ага! Не выдержал мужик... Нельзя же позволить потенциальному клиенту свалить! И Антон, не оборачиваясь, лишь махнул рукой в сторону, противоположную от центра.

– А вы, собственно, в чем нуждаетесь-то? В валюте или в «деревянных»?

«Ну, вот, наконец!..»

– Мне рубли нужны, – Антон поморщился, как от зубной боли, и сделал еще пару шагов к машине.

– Погодите! Может, мы между собой? Мне-то как раз валюта – в любом виде! И «баксы», и «еврики», – один черт! Может, столкнемся? Я готов и по хорошему курсу.

– Это ж по сколько? – Плетнев остановился и обернулся, глядя недоверчиво.

– Ну, вы слышали по двадцать пять? А чего, вполне, я считаю. Вам много надо-то?

– К сожалению, много, в этом и вся проблема, – обреченно махнул рукой Плетнев, отворачиваясь, чтобы идти дальше.

– Ну... как много?

Мужчина вмиг насторожился, интонация выдала его жгучий интерес. И теперь, как бы Антон ни крутил и не вилял, он не отвяжется, больше того, он будет готов даже нереальный курс предложить, лишь бы не упустить «клиента», ибо сам, в конечном счете, ничем не рискует.

– Так там не двадцать пять, там больше получается, – проявил «жлобскую» жадность Плетнев.

– Ну, ведь не больше двадцати шести? – резонно возразил мужчина. – Такой курс весной был. А сейчас? Ну, двадцать пять – тридцать... сорок даже. Но не больше.

«Ага, торгуется...»

– А что? – всерьез «задумался» Антон. – По сорок я бы, наверное, уступил...

– У вас при себе?

– Нет, в машине. Но... – Антон оглянулся на свою «тойоту». – Мне бы не хотелось при супруге, понимаете?...

– Отлично понимаю! – даже обрадовался мужик. – Разница курсов... все правильно, зачем ей знать истинную стоимость сделки, верно? Давайте в моей посчитаем. Какая сумма?

– У меня... – Плетнев помялся, оглядываясь на свою машину. – Сто пятьдесят тысяч.

– Это нормально, столько наберу. Давайте тогда, забирайте ваши рублики и пойдёмте в мою машину, там у меня есть калькулятор, посчитаем, лады?

– Согласен.

Антон забрался к себе в машину, взял сумку и сказал женщинам, притихшим на заднем сиденье, словно замерзшим голубям на карнизе:

– Сейчас я пересяду к нему. А вы закройте все двери – нажмите все кнопки, и, что бы ни происходило, молчите и никому не открывайте, даже если потребует милиция. С ними я сам разберусь. Ясно? – жестко закончил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.